

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ДЛЯ УЧИТЕЛЯ**

Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

АКАДЕМИК Н. Я. МАРР
ОСНОВАТЕЛЬ
СОВЕТСКОГО
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

*

УЧПЕДГИЗ

1950

Академик Н. Я. Марр

Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

член-корреспондент Академии педагогических наук,
доктор филологических наук

4147 [Март]
С-394

АКАДЕМИК Н. Я. МАРР —
ОСНОВАТЕЛЬ СОВЕТСКОГО
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

32/3-50

172 II
43603

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА—1950

1961

В своей брошюре профессор Г. П. Сердюченко, помимо сообщения кратких сведений о творческом пути академика Марра, дает большой и ценный для учителя материал: 1) излагает основные положения нового учения о языке, 2) даёт необходимые уточнения отдельных положений учения Марра, 3) выясняет роль нового учения о языке в развитии советского материалистического языкознания и 4) характеризует современное положение в советской лингвистике.

Освещение этих вопросов, данное в форме краткой научно-популярной брошюры, отвечает давно назревшей потребности, особенно в связи с тем интересом, какой, естественно, проявляется у учительства массовой школы к новому учению о языке, сыгравшему исключительную роль в развитии советского материалистического языкознания.

Редактор *Ф. Ф. Кузьмин.*

Техн. редактор *М. Д. Петрова.*

Корректор *Л. И. Беэр.*

Подписано к печати 13/1 1950 г. А 01510. Печатных л. 4,5 + вкл.
Учётно-изд. л. 3,86 + 0,04 л. вклейки. Тираж 15 тыс. экз. Заказ 1844.
Цена 1 р. 20 к.

3-я тип. «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Введение.
Два направле-
ния в науке.

Решения Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) по идейно-теоретическим вопросам, а также проведенные в последние годы философская и биологическая дискуссии знаменуют большой этап в борьбе за передовую советскую науку, построенную на прочных основах марксизма-ленинизма. Эти мероприятия партии направлены к тому, чтобы обеспечить господство боевого советского патриотического духа в рядах деятелей всех областей идеологического фронта, усилить партийность и общественно-преобразующую роль советской науки. Они определяют те пути, по которым должна развиваться у нас в дальнейшем передовая научная мысль во всех отраслях знаний.

В докладе, посвященном 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Вячеслав Михайлович Молотов дал следующую оценку роли и значения биологической дискуссии:

«Дискуссия по вопросам теории наследственности, — сказал он, — поставила большие принципиальные вопросы о борьбе подлинной науки, основанной на принципах материализма, с реакционно-идеалистическими пережитками в научной работе... Она подчеркнула творческое значение материалистических принципов для всех областей науки, что должно содействовать ускоренному движению вперед научно-теоретической работы в нашей стране».

Советское языкознание, теснейшим образом связанное с практикой работы по развитию национальных письмен-

ностей и языков во всех республиках и областях Советского Союза, представляет собой боевой участок научно-теоретической работы в СССР. В связи с этим уместно напомнить замечательные слова основателя советской школы языковедов академика Николая Яковлевича Марра: «Науку о языке менее всего можно трактовать так, будто это не предмет первой необходимости на теоретическом фронте социалистического строительства. Язык сам по себе всегда был и есть величайшее орудие борьбы в руках искусно владеющего им. Язык призван стать еще более могучим, прямо-таки магически-действенным орудием в руках строителей нового мира...»¹.

Слова товарища Молотова о дискуссии по вопросам биологии советские ученые-языковеды рассматривают как руководящее указание, обращенное непосредственно и к ним, к их работе. Вскрытая в области биологии борьба между двумя направлениями — прогрессивным, материалистическим, и реакционным, идеалистическим, — несомненно существует и в науке о языке.

Нельзя допустить, чтобы и в советском языкознании, в частности, в научно-исследовательской работе и в подготовке специалистов-языковедов представители реакционно-идеалистического направления занимали ведущее место, что, до известной степени, наблюдалось до последнего времени даже в ряде высших учебных заведений.

Товарищ Сталин поставил перед нашими учеными задачу «...не только дотнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Советское языкознание, если разуметь под ним новое, материалистическое учение о языке, созданное академиком Марром и развиваемое дальше передовыми советскими лингвистами, уже сейчас является ведущим в мировом языковедении. Материалистическое по своей сущности, оно противостоит всевозможным лженаучным теориям буржуазного языкознания.

Но нельзя забывать, что среди известной части языковедов Советского Союза распространены еще различные буржуазно-лингвистические концепции. Представители реакционно-идеалистических направлений в языковедении у нас еще не сложили своего оружия. Они иногда руководят кафедрами, ведут ответственные курсы в наших

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 227.

вузах, проявляют немалую активность и в вузовских аудиториях и на страницах заполняемой ими сравнительно немногочисленной у нас специально филологической периодики.

Биологическая дискуссия всколыхнула советскую научную общественность. В. М. Молотов в своем выступлении напомнил нам о необходимости в любой отрасли знания ставить большие принципиальные вопросы, развивая подлинную науку, основанную на принципах материализма, вести решительную борьбу с реакционно-идеалистическими пережитками в научной работе. Дальнейшее и ускоренное движение вперед советского языкознания возможно будет лишь тогда, когда мы действительно осознаем творческое значение материалистических принципов и для науки об языке и поставим перед собой в качестве неотложной задачи дальнейший подъем и развитие системы материалистического языковедения при решительном и беспощадном разгроме всех и всяческих проявлений реакционно-идеалистических пережитков в советском языковедении, покончив навсегда с настроенными семейственности, благодушия, примиренчества, а иногда и групповщины.

**Роль академика
Н. Я. Марра
в развитии
советского
языкознания.**

Успехи советского языковедения теснейшим образом связаны с деятельностью выдающегося ученого-коммуниста академика Николая Яковлевича Марра (родился 6 января 1865 г., умер 20 декабря 1934 г.). Его имя стоит в одном ряду с гениальными представителями нашей отечественной науки последних десятилетий — Менделеевым, Павловым, Карпинским, Мичуриным, Вильямсом, Докучаевым, Циолковским и другими.

Академику Н. Я. Марру принадлежит исключительная по своему значению заслуга перед передовой советской наукой: он построил на основах диалектического и исторического материализма новое учение о языке, общую теорию языкознания, представляющую собой научную систему, диаметрально противоположную буржуазному идеалистическому языковедению.

С позиций марксизма-ленинизма академик Н. Я. Марр вел последовательную борьбу против буржуазного языкознания, решительно разоблачал расистскую, индоевропейскую теорию буржуазной лингвистики.

Творческий путь
академика
Н. Я. Марра.

Весьма поучителен творческий путь Николая Яковлевича Марра¹. Еще обучаясь в гимназии, он проявил особый интерес к изучению древних языков. «В классе, состоявшем почти исключительно из грузин», из которых «никто ничего не понимал, обучаясь... неизвестному мертвому языку (латинскому) с помощью не более известного им русского языка»², он оказался наиболее успевающим по латинскому языку, а впоследствии и лучшим учеником по греческому языку. В своей автобиографии Николай Яковлевич указывает, что на выработку у него интереса к филологическим дисциплинам и, в частности, к кавказоведению оказали влияние его гимназические учителя — преподаватель истории Стоянов, занимавшийся этнографией Кавказа и путешествовавший по Свани, и учитель французского языка Нарбут, посвятивший юного гимназиста в детали изучения романских языков и в их отношения к латинскому.

В старших классах гимназии Николай Яковлевич самостоятельно изучил ряд новых языков — французский, итальянский, немецкий и английский — настолько, что читал свободно на этих языках художественную и научную литературу и делал переводы на грузинский и русский языки. В гимназической газете в этот период были помещены переводы Николая Яковлевича из произведений Пушкина, Лермонтова и Карамзина, а также переводы из французских научно-популярных журналов на грузинский язык и первое исследование топонимики Кавказа (объяснение названия города Батуми).

Еще в гимназии молодой Марр задается целью, как он пишет в своей автобиографии, «разъяснить происхождение грузинского языка», который он еще тогда сопоставлял с единственно известным ему (из общения с живыми людьми) восточным языком — турецким.

Успешно окончив гимназию, Н. Я. Марр поступает для дальнейшей специализации на факультет восточных

¹ Биографические сведения о Н. Я. Марре мною взяты из: а) «Автобиографии» Н. Я. Марра, опубликованной в его «Избранных работах», т. 1, стр. 6—13, б) книги акад. И. И. Мещанинова «Новое учение о языке», изд. 1936 г., стр. 7—25 и в) монографии В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр», изд. Академии наук СССР, 1948, стр. 450.

² «Автобиография», Избранные работы, т. 1, стр. 7.

языков Петербургского университета. Здесь он занимается сразу по трем разрядам: кавказскому, в котором тогда были представлены лишь армянский и грузинский языки, арабско-персидско-турецкому и семитическому, на котором изучались языки: еврейский, арабский и сирийский, относившийся тогда к группе так называемых «халдейских наречий»¹.

В университете Марр начинает свою научно-исследовательскую деятельность. На втором году занятий арабским языком его поражает «родство грузинского языка с семитическими». И в первой же своей работе «Природа и особенности грузинского языка»², напечатанной на грузинском языке в тифлисской газете «Иверия» (№ 86 за 1888 г.), он доказывает близость грузинского корнеслова и грамматического строя к языкам семитическим. Этим утверждением Марр опровергает взгляды буржуазных языковедов, говоривших о «безродности» грузинского языка и доказывавших вообще изолированность в развитии установленных индоевропейским языкознанием языковых семей. Тем самым в этом частном вопросе, пока еще не порывая с основными положениями традиционной языковедческой науки, Марр уже становится в оппозицию к ней.

Более развернуто свои взгляды на отношение грузинского языка к семитическим Марр смог изложить в печати лишь через 20 лет в работе «Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими»³. Работа представляет собою введение к его «Основным таблицам к грамматике древнегрузинского языка» и первый опыт детальной характеристики структуры глагола в этом языке. В «Предварительном сообщении о родстве грузинского языка с семитическими» Н. Я. Марр впервые устанавливает учение об особой группе яфетических языков, об особой «лингвистической ветви», «характернейшим представителем» которой является грузинский язык. Вводя термины «яфетические языки», «яфетическая ветвь», Марр отмечает, что «новую в науке лингвистическую ветвь приходится поневоле называть я ф е т и ч е с к о ю, пока родственная с нею ветвь именуется с е м и

¹ «Автобиография», Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 9.

² Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 14—15.

³ Там же, стр. 23—38.

тической и пока последний термин, также условный и по существу неправильный, общепринят»¹.

Об отношении грузинского языка к семитическим Марр пишет, что, по его мнению, «грузинский с семитическими находится в отношении двоюродных братьев, детей двух родных братьев, т. е. прасемитического и праяфетического языков»².

Таким образом и здесь Н. Я. Марр, хотя и противопоставляет в этом частном, но весьма важном вопросе свою точку зрения взглядам индоевропейцев, все же он не только не отказывается от основных положений индоевропейского языковедения, но применяет и его обычную терминологию.

По окончании университета Марр усиленно изучает различные средневековые памятники армянской и грузинской литературы. Одновременно с этим он проводит большие археологические исследования.

Быстро завоевав себе авторитет крупнейшего филолога-армениста и грузиноведа, Марр уже в этих исследованиях подходит по-новому как к задачам археологического, так и к задачам историко-филологического изучения различных памятников прошлого народов Закавказья.

Руководя археологическими раскопками древнеармянской столицы г. Ани, Марр обращает внимание не на поиски каких-либо кладов и материально-вещественных ценностей, а старается как можно полнее и правильнее восстановить подлинную историю города в ее социальном разрезе. Его интересуют не только и не столько пышные дворцы и богатые храмы, вскрываемые археологическими раскопками, сколько скромные жилища и утварь городской бедноты, ремесленников и других слоев трудящегося люда.

Исследуя важнейшие памятники литературы армяно-грузинского средневековья, Н. Я. Марр учитывает всегда мировоззрение автора и ту общественно-политическую среду, которая во многом определяла общую направленность литературного памятника.

Занятия армяно-грузинской филологией и усиленные археологические исследования, в частности — связанная

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 23, сноска 3-я.

² Там же, стр. 26.

с ними расшифровка многих словарных и грамматических особенностей литературных памятников средневековья, направляют интерес Марра в сторону изучения языков многоязычного Кавказа. Язык рассматривается исследователем как исторический источник, как иногда незаменимый исторический свидетель прошлого создавшего его народа. «Язык... является первым по времени для древности и единственным ныне по девственно непочатому богатству источником истории», — писал Н. Я. Марр в одной из своих последних работ «Маркс и проблемы языка»¹.

Н. Я. Марр переключается на изучение живой речи, вовлекая в орбиту своего изучения бесписьменные языки Кавказа. В них он устанавливает много общих, объединяющих их черт, что и дало ему возможность рассматривать их вместе с грузинским как особую группу яфетических языков Кавказа, родственную языкам семитическим и хамитическим. Параллельно этому, стремясь проследить историческое развитие яфетических элементов в живых и мертвых языках Кавказа, он внимательно изучает мертвые клинописные языки — новоэламский (мидийский) и халдский. И в них он находит многое, что выявляет не только близость, но и непосредственное вхождение этих языков в группу яфетических. Таким образом, языки «без пристанища» в индоевропейском языковедении в результате углубленной исследовательской работы Марра получают свое, точно определенное место в системе языков мира и историческом развитии создавшего их народа.

Уделяя особое внимание армянскому языку, который в научной литературе традиционно рассматривался как один из представителей индоевропейских языков, Марр устанавливает и в нем наличие многих кавказско-яфетических элементов, которые он характеризует как элементы скрещенные, иначе объединившиеся и слившиеся в армянском с индоевропейскими. Таким образом, и здесь, вопреки традиции, Марр дает новое освещение вопросу о происхождении современного армянского языка.

Устанавливая скрещенный характер армянского языка и выдвигая скрещение как одно из необходимых условий в развитии языков мира на определенном общественно-историческом этапе их существования, Марр становится

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 450.

на почву историзма в освещении проблемы языкового развития. Учение о скрещении языков было впоследствии разработано им более углубленно и уточнено на анализе разнообразных языковых материалов.

В лексике и грамматическом строе бесписьменных языков Кавказа Марр выявляет большое количество арханзмов, которые в столь сильной степени не прослеживались в детально изученной им живой и мертвой грузинской речи. Анализ этих арханзмов еще более усиливает историческую перспективу при изучении языков Кавказа и заставляет Марра обратиться к изучению древних клинописных языков, в которых он старается найти явления, уже изжитые в современных яфетических языках.

Количество изучаемых Н. Я. Марром языков становится все большим и большим. Усиливая в исследовании историзм, Марр все дальше отходит от основных положений традиционного языкознания. Он пересматривает ранее высказывавшиеся им положения и отказывается от ряда своих прежних позиций. Он устанавливает «яфетические элементы», вклинивающиеся в результате скрещивания, исторического сближения народов в языки различных систем. Постепенно подрывается основа учения буржуазных языковедов о праязыке и праязыковом развитии всех языков мира. Однако Марр и в этот период оказывается лишь в оппозиции к традиционной лингвистике, но еще далек от окончательного разрыва с ней.

Археологические работы Марра, внимательное изучение памятников истории материальной культуры, проводимое одновременно с филологическими и языковедческими исследованиями, способствуют превращению Марра в языковеда-историка, связывающего изучение языковых фактов с историей материальной культуры и человеческого общества. Тем самым история языка начинает рассматриваться им с материалистических позиций.

Решительный разрыв с буржуазным языковедением и окончательное оформление материалистических взглядов на основе марксизма-ленинизма происходит у Марра в результате его исключительно большой общественной и научно-теоретической работы в послеоктябрьский период. Марр усиленно пересматривает свои научные взгляды уже в первые годы советской власти. Он продолжает начатые им раньше исследования.

Наличие яфетических элементов речи Марр вскры-

вает в различных живых и мертвых языках Средиземноморья, рассматривая эти элементы как пережитки стадий, пройденных в развитии языков по всему Средиземноморью — от Кавказа до Пиренеев. Эти взгляды академика Марра находят свое наиболее яркое выражение в его работе 1920 года «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры»¹. В этой интересной работе наличие вскрытых им в различных языках Средиземноморья яфетических элементов речи Марр пытается объяснить расселением по всему Средиземноморью «яфетического племени» — яфетидов, первоначально, по его мнению, находившихся возле Арарата.

Работа Марра «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры» свидетельствует о решительном изменении взглядов Марра на многие основные вопросы в языковедении. Высказанные в ней положения, впоследствии уточненные Марром на материалистической основе, приводят его через некоторое время к построению прогрессивного и революционного учения о едином языкотворческом процессе и стадийном развитии языков мира. Но эта же работа Марра указывает и на отсутствие еще у него в тот период окончательного разрыва с буржуазным языковедением. Яфетиды оказываются своеобразным пра-народом, в какие-то исторические эпохи расселившимся по всему Средиземноморью и внесшим свой вклад в многочисленные языки, представленные на большой территории от Пиренеев через Кавказ к Памиру.

Работы Н. Я. Марра советского периода, следовавшие за «Третьим этническим элементом...», подготавливали полный и окончательный разрыв с традиционным языковедением. В этот период, как говорил сам Марр, «наступает новая эра развития яфетического языкознания»², связанная, в частности, с усилением работ, конкретно решавших вопрос об увязке («смычке» — выражение Н. Я. Марра) языкознания с историей материальной культуры, вещественных памятников, а вместе с ними и с историей человеческого общества.

Решительный разрыв с общепринятыми до этого

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 79—124.

² Предисловие к «Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии», Избранные работы, т. 1, стр. 224.

догмами индоевропейского языкознания и, в частности, с его расистской основой происходит у Марра именно теперь. В конце 1923 г. в Отделении историко-филологических наук Академии наук он выступает с небольшим, но чрезвычайно важным сообщением на тему «Индоевропейские языки Средиземноморья»¹.

В этом сообщении академик Марр заявил: «Работа последних месяцев над палеонтологией речи на основании разъясненных фактов самих яфетических языков и усвоенных из них элементов в неяфетических языках неожиданно для меня вскрыла положение, более чреватое последствиями, чем все до сих пор высказывавшееся мною о значении яфетидов и их роли в созидании средиземноморской культуры в доисторические и протоисторические эпохи. Утверждаю, что индоевропейской семьи языков расово отличной не существует» (разрядка моя. — Г. С.).

Развивая это утверждение, Н. Я. Марр делает дальше исключительно важное для материалистического языковедения заявление. Он говорит: «Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ниоткуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово особой семьи языков или тем менее восходил к какому-либо расово особому праязыку. Кстати, вначале был не один, а множество племенных языков, единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция (разрядка моя. — Г. С.). Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, может быть и в сопутствии привходящих пермутаций физической среды; индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это дальнейшее состояние тех же яфетических языков в Средиземноморье — своих или местных, на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация»².

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 185—186.

² Там же, стр. 185.

Н. Я. Марр в этом же сообщении пересматривает и вопрос о характере таких языков, как армянский: «Такие более наглядные гибриды, как, например, языки Армении, отчасти и албанский язык, — не воплощение позднейшего скрещения индоевропейских языков с яфетическими, а представители переходного состояния на промежуточном этапе между чистыми яфетическими и совершенными индоевропейскими языками; это — языки, отошедшие от доисторического состояния яфетической семьи и не дошедшие до полного индоевропеизма»¹.

Проблема исторического развития языков рассматривается в указанном сообщении Марра с четких материалистических позиций, т. е. ставится совершенно иначе, чем раньше. Учение о едином языкотворческом процессе и стадильном развитии языков сформулировано было в своей основе именно в этом сообщении Марра об индоевропейских языках Средиземноморья.

Так постепенно, рядом с яфетической теорией как учением об яфетических языках выросло общее учение о языке, строившееся на новой, материалистической основе, с перенесением исследовательской работы, первоначально проводившейся на базе только яфетических языков, на разнообразные языки мира — яфетические, индоевропейские, угрофинские, палеоазиатские, тюркские, славянские, китайский и другие.

Будучи воспитанником старой лингвистической школы, Н. Я. Марр с трудом и лишь постепенно освобождался от сковывавших его пут буржуазно-идеалистической методологии. В предисловии к «Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии»², прослеживая весь путь развития созданной им яфетической теории, затем — нового учения о языке, он писал: «Яфетическое языкознание отнюдь не вылетало подобно Афине Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно-сложной и скроенной научной среде, более того — зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы, и 2) с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы»³.

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 185.

² Там же, стр. 221—230.

³ Там же, стр. 222.

Таким образом, индоевропейское языковедение, в нормах которого первоначально и развивалось новое учение Марра о языке, лишь постепенно порывая с ним, долгое время оказывало свое влияние на научно-методологическую перестройку языковедческой теории Марра. Но уже в предоктябрьский период Н. Я. Марр правильно увязывает историю языка с историей материальной культуры и человеческого общества, тем самым устанавливая, в основном, правильное материалистическое направление своих языковых исследований.

Но решительный и окончательный разрыв Марра с традиционным буржуазным языкознанием и безоговорочный переход его на позиции марксизма-ленинизма произошел лишь под несомненным, сильнейшим воздействием на него нового общественного строя и новой общественной идеологии, под влиянием которых Н. Я. Марр оказался с первых же дней после Октябрьского переворота. Академик Марр был одним из тех ученых, которые с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции стали в ряды «бойцов научно-культурного фронта» первой в мире социалистической державы.

Переход Марра на позиции марксизма-ленинизма подготавливался постепенно.

«Влияние окружающей среды и господствующей идеологии, — как правильно пишет биограф Марра, — не могло не наложить своего отпечатка на мировоззрение Николая Яковлевича»¹. Подобно другим представителям буржуазно-либеральной профессуры, Н. Я. Марр долгое время верил в то, что наука и высшая школа могут и должны стоять вне политики. Однако на развитие его идейно-политических взглядов большое влияние оказали революционные события еще 1904—1905 годов.

Будучи еще в 1903 г. на своей родине — в Гурии, он внимательно вслушивался и всматривался в «странные для нашего захолустья новости» — крестьянские волнения, сходки, аресты, обыски и т. д. Он оказался свидетелем того, как «стонут грузины, армяне и другие нации, лишенные права иметь свои школы, работать в государственных учреждениях, вынужденные подчиниться той позорной и угнетающей политике *руссификации*, которую

¹ В. А. Мнханкова, Николай Яковлевич Марр, 1948, стр. 127.

с таким рвением проводит самодержавие»¹. Н. Я. Марр, как пишет он сам, стало ясно, что «столкновение неизбежно», что правительственная власть на Кавказе «ничего не понимает и еще больше вызывает своими действиями недовольство»². Марр был еще непоследователен в оценке создавшейся в стране революционной ситуации, нашедшей свое отражение и в жизни университета, но сама жизнь требовала и от него определенного отношения к происходящему.

В знаменательные дни бакинских событий, летом 1905 г., Марр вновь приезжает на Кавказ. В это время, как писал В. И. Ленин, «революционное настроение большинства населения Кавказа, как в городах, так и в деревнях, дошло уже до всенародного восстания против самодержавия»³. Н. Я. Марр понимал, что на Кавказе идет ожесточенная классовая борьба, вызванная отнюдь не национальной и не религиозной рознью. Об этом он писал в ряде своих статей и писем того периода. Самодержавие, по его словам, «утратив окончательный исторический смысл собственного существования и реально причинную связь жизненных и общественных явлений», поддерживает и разжигает на Кавказе «противообщественные инстинкты взаимного раздора и дикой грызни»⁴. Подчеркивая классовый характер происходившей борьбы, Марр отмечал: «И сейчас есть случаи резни между грузинами-дворянами и грузинами-крестьянами. Вопрос, может быть, не столь долгого времени, когда татарские беки будут стрелять в татар-рабочих, а рабочие-армяне будут расхищать достояние богатой армянской буржуазии»⁵.

Присутствуя на ряде митингов, на которых выступали большевики и меньшевики, Марр, еще плохо представлявший себе сущность марксизма, все же свои симпатии отдавал большевикам, в выступлениях которых его подкупала «ясность изложения и знание дела»⁶. В своем

¹ И. В. Сталин, Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи, Соч., т. 1, стр. 22.

² Письмо В. Р. Розену 13/VI 1903 г. (В. А. Миханкова, Н. Я. Марр, стр. 129).

³ В. И. Ленин, Проект резолюции по поводу событий на Кавказе, Соч., т. 8, 4-е изд., стр. 391.

⁴ Н. Я. Марр, Из гурийских наблюдений и впечатлений, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 7.

⁶ Там же, стр. 21.

«Письме к кавказской молодежи», написанном в этот период и опубликованном в газете «Рассвет», Марр считал вполне закономерным передачу власти в руки народа¹. Но и после 1905 г. Марр не был еще ни законченным революционером, ни тем более большевиком. Мироззрение ученого старой школы и общественной среды продолжало сказываться в научных работах Марра вплоть до Октябрьской революции, несмотря на все усиливавшийся у него отход от положений буржуазного языковедения и усиливавшуюся линию материалистического исследования.

В дни Октябрьского переворота Н. Я. Марр впервые непосредственно столкнулся с революционным пролетариатом. Уяснив себе весь исторический смысл происходивших на его глазах революционных событий, наблюдая героическую борьбу рабочего класса против прогнившего старого мира, борьбу, возглавленную партией большевиков и ее гениальными вождями — Лениным и Сталиным, Н. Я. Марр, ученый с мировым именем, решительно переходит в лагерь строителей новой жизни. 1917 год и был поворотным годом во всей творческой деятельности выдающегося ученого. В этот период Н. Я. Марр уже хорошо осознал абсурдность утверждения о возможном существовании науки вне политики. Свои взгляды этого времени он прекрасно сформулировал несколько позже в своем ответе зарубежному ученому. В этом ответе Н. Я. Марр писал, что имеются ученые, «для которых не только классовая борьба, но и языковая политика не имеет ничего общего с наукой», которые верят в то, что «существует так называемая чистая наука, т. е. та чистая наука, что для нас висит в воздухе, опираясь на идеалистическое мироззрение, с корнями, если досказать и это, отнюдь не чистыми»². И как бы в развитие той же мысли, характеризуя методы изучения буржуазными языковедами «инорасовых» и «инородческих» языков, он пишет: «Что это, политика или чистая наука?.. Это политика, но скверная политика..., это наука, но нечистая наука»³.

¹ В. А. Миханкова, Н. Я. Марр, стр. 133, №№ 209, 214, 222 от 11, 17 и 27 ноября 1905 г..

² Н. Я. Марр, «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» (Избранные работы, т. 1, стр. 276—277).

³ Там же, стр. 286.

РД 43603

В одной из своих последних работ, вспоминая, как развивалось новое учение о языке, Н. Я. Марр подчеркивает, что оно — «плод активного участия в революционном творчестве СССР, углубившем учение»¹.

Н. Я. Марр, уже будучи крупнейшим советским и мировым ученым, внимательно и сосредоточенно изучал бессмертные произведения основоположников марксизма-ленинизма, марксистско-ленинское учение об обществе.

Глубокое и всестороннее усвоение основ марксизма-ленинизма и помогло академику Марру, воспитаннику старой языковедческой школы, освободиться от сковывавших его пут «буржуазно сложенной и скроенной научной среды». На протяжении почти полувека (1888—1934) работая над многочисленными конкретными языковыми материалами, академик Марр силою самих изучаемых им фактов систематически и неуклонно разрушал привычное для буржуазных языковедов идеалистическое мировоззрение. Но лишь в послеоктябрьский период, вооруженный марксистско-ленинской методологией и многочисленными определяющими высказываниями о языке Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Н. Я. Марр решительно порывает с традиционным языкознанием.

3813-50
О своем политическом мировоззрении, определившем и всю его научно-теоретическую и общественную деятельность в послеоктябрьский период, Николай Яковлевич Марр говорил много раз. С предельной ясностью он обрисовал свой путь ученого-большевика в выступлении перед делегатами XVI партийного съезда. «С первых же октябрьских дней, — сказал академик Марр, — я стал по мере своих сил плечом к плечу с товарищами-коммунистами и вместе с беспартийными созвучного закала помогал делу беспремерного по размаху революционного научно-культурного строительства...

Октябрьская революция раскрепостила всех трудящихся, в числе их и ученых, томившихся в плену беспросветного идеализма.

В условиях полной свободы, которую дает науке советская власть, помогающая самым смелым, самым дерзким научным исканиям в области подлинного материали-

¹ Н. Я. Марр, К истории Кавказа по данным языка, Загиз, 1933, стр. 12.

стического миропознания, я старался развивать и продолжаю, уже с новыми кадрами научных работников-коммунистов и стойких беспартийных соратников, развивать теоретическое учение об языке, в области которого я веду свою научную работу. Осознав фикцию аполитичности и, естественно, отбросив ее, в переживаемый момент обострившейся классовой борьбы я твердо стою... на своем посту бойца научно-культурного фронта за четкую генеральную линию пролетарской научной теории и за генеральную линию коммунистической партии».

Это выступление академика Марра, вошедшее в стенографический отчет XVI партсъезда¹, представляет собой яркое свидетельство беспредельной преданности гениального советского ученого делу партии Ленина — Сталина, его сознательного перехода на позиции марксизма-ленинизма и глубоко осознанно проводившейся им перестройки языкознания на основе марксистско-ленинской теории, о его партийности в научно-исследовательской и педагогической работе.

В 1930 году, вскоре после XVI партийного съезда, академик Марр вступил в ряды членов Всесоюзной коммунистической партии [большевиков]. Это было естественным и вполне логичным завершением многолетней педагогической, общественно-политической и научно-исследовательской деятельности Марра, для которого партийность в работе была обязательным условием, незыблемым законом.

Н. Я. Марр хорошо понимал, что в наши дни «идет титаническая борьба с мертвыми силами, с пережитками идеалистических учений», что «борьба на идеологическом фронте сейчас охватывает весь мир»².

Каждый ученый, по словам Николая Яковлевича, должен выбрать себе «совершенно определенную сторону в борьбе на идеологическом фронте, в частности, — на его теоретическом отрезке»³.

И не будучи сам нейтральным в идейно-политической борьбе, Н. Я. Марр острой и уничтожающей критике подвергнул все основные положения старого, реакционно-

¹ Стенографический отчет XVI партсъезда, 1930, стр. 98.

² Архив Н. Я. Марра, 655: В. А. М и х а н к о в а, Н. Я. Марр, стр. 423.

³ Н. Я. Марр, Языковая политика (Избранные работы, т. 1, стр. 277).

идеалистического языкознания. Он вскрыл их зависимость от расистской идеологии и колониальной политики буржуазных государств. Марр не допускает никакой возможности примирения старого научного мировоззрения с передовой, советской системой научных взглядов, нашедшей свое яркое выражение в созданном им новом учении о языке.

Именно поэтому еще в 1926 г. в своей статье «К происхождению языков» Н. Я. Марр заявляет: «О примирении новой теории со старой по принципиальным вопросам не может быть и речи, если индоевропеистика не откажется от своих главных положений».

И тут же добавляет:

«Попытку некоторых из моих весьма немногочисленных учеников и особенно последователей перекинуть мост считаю делом более пагубным, чем желание громадного большинства лингвистов-индоевропеистов абсолютно игнорировать яфетическое языкознание»¹.

Отнюдь не отрицая известных заслуг индоевропейского языкознания в истории науки, в первую очередь накопления им фактических материалов, академик Марр совершенно справедливо утверждал, что «...индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой»². Тем самым ученый-большевик вскрыл классовую, колониально-расистскую сущность всех основных построений буржуазного индоевропейского языкознания. Вместе с тем, используя громадное количество вовлекаемых им в исследование языков и отдельных языковых фактов, он создал систему новой, советской науки о языке.

Смело и открыто бросая вызов старому научному мировоззрению, Н. Я. Марр хорошо понимал, что его научные взгляды не могут не вызвать самого отрицательного отношения к нему со стороны представителей старой, буржуазно-идеалистической по мировоззрению науки. Поэтому, хотя и не безразлично, но достаточно спокойно, как заранее предусмотренное, он встретил

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 219.

² Там же, т. 3, стр. 1.

злобную критику матёрых реакционеров-идеалистов в языковедении типа профессора Поливанова и следовавших за ним в хвосте политически и научно безграмотных «языкофронтовцев» и других. До известного времени его интересовал и беспокоил при этом один вопрос: «в чем источник такого изумительного, — как ему первоначально казалось, — непонимания яфетической теории?»

В результате тщательного продумывания этого вопроса он сам же ответил на него совершенно правильно.

«Мне было известно, — писал он в 1928 г. в своем «Отчете по весенней командировке в Абхазию», — что причин довольно много, но меня интересовал основной источник, и за время заграничной поездки мысль об этом основном источнике особенно выпукло встала передо мной. Я воочию узрел, что люди другого общественного мира не могут легко, особенно правильно и целиком, воспринять наших мыслей. Мне стало, точно под микроскопом, видно, в яркой действительности, что всякое теоретическое учение, даже учение о языке, есть детище определенной общественности»¹.

И Марр менее всего был удивлен, когда узнал, что член английского парламента Аллен в газете «Таймс» от 24 июня 1929 г. назвал созданное Марром общее учение о языке — яфетическую теорию — «научным рупором большевизма». В конечном счете, злопыхательствующий лорд оказался близким к истине.

Неизбежность борьбы на идейно-теоретическом фронте ясно осознавалась Марром, и еще в 1924 г. в статье «Об яфетической теории» он писал: «Борьба неизбежна на фронте не только научных методов и теоретических положений, но и общественно-важных проблем...»².

Несколькими годами позже, призывая университетскую молодежь Ленинграда включиться в борьбу за передовое, советское языкознание, он говорил: «Ни малодушного отступления, ни соглашательского примирения!» — и смело развешивал непримиримую борьбу со всеми проявлениями реакционно-идеалистической науки, реакционно-идеалистической мысли.

¹ «Известия Академии наук». Отдел гуманитарных наук, 1928, стр. 548.

² Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 34.

С полным правом, строя материалистическое языкознание на незыблемой основе марксизма-ленинизма, в 1932 году Марр заявил: «Новое учение об языке вносит не мирную пропаганду..., а боевой меч диалектики»¹.

В трудах классиков марксизма-ленинизма мы находим значительное количество руководящих высказываний по основным вопросам языкознания.

Маркс и Энгельс, устанавливая реальные отношения между языком, сознанием и общественным бытием человека, указывают на то, что «...ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они суть только *проявления* действительной жизни»². Основоположники марксизма определяют язык как «непосредственную действительность мысли»³, как «практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание...»⁴. В последнем определении Маркс и Энгельс выделяют основное назначение языка— служить средством общения в человеческом коллективе. Именно эту роль языка особо отмечает и В. И. Ленин, характеризуя язык как «...важнейшее средство человеческого общения...»⁵.

И. В. Сталин, касаясь вопросов о роли родного языка пролетариата в развитии рабочего движения и права населения получать образование на родном языке, определяет язык как «...орудие развития и борьбы»⁶.

В произведениях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина дано и принципиальное решение вопроса о происхождении языка, об основных закономерностях в развитии языка, его роли в классовой борьбе пролетариата и культурном развитии народов СССР.

Марру хорошо были известны классические определения сущности языка, его взаимоотношений с мышлением, указание на обусловленность развития языка от развития производительных сил и производственных отношений в истории человеческого общества, которые мы находим в гениальных произведениях классиков

¹ «Язык и современность» («Известия Гос. акад. истории материальной культуры», вып. 60, 1932, стр. 4—5).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 435.

³ Там же, стр. 344.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 20, изд. 4-е, стр. 368.

⁶ И. В. Сталин, «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» Соч., т. 1, стр. 44.

марксизма-ленинизма, в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Насколько внимательно и сосредоточенно изучал произведения марксистско-ленинской классики Николай Яковлевич Марр, можно судить хотя бы по таким его работам, как «Маркс и проблемы языка», «Язык и мышление», «Язык и современность», «Яфетические языки» или «Языковая политика яфетической теории» и другие, в которых он, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, строго прослеживает основной ход мыслей в работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, самую суть марксистско-ленинского учения об обществе. Выше уже указывалось замечательное определение языка как «орудия развития и борьбы», данное в одной из ранних работ И. В. Сталина — «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?». Гениальное произведение товарища Сталина «Анархизм. или социализм?» также содержит руководящие замечания товарища Сталина по другому вопросу — о происхождении человеческой речи. Материалистическое учение акад. Марра о языке сложилось целиком в Сталинскую эпоху и под непосредственным влиянием гениальных трудов И. В. Сталина.

«Внимание к теории, — говорил Николай Яковлевич, — никогда не было второстепенным вопросом и не может не быть основным в советском социалистическом государстве, строящемся пролетариатом не стихийно, а планомерно на действительном, революционном марксистском учении с его общим диалектико-материалистическим методом...»¹.

Марр понимал, что для выработки правильной методологии в области научного исследования необходимо глубокое и всестороннее изучение марксизма. В своем письме к сыну от 15 марта 1931 г. Н. Я. Марр писал: «Будучи специалистом по литературе и языку, надо самому выходить за пределы самих литературных произведений (их техники, их содержания и их осмысления) в мир материальной реальности; надо серьезно ознакомиться с марксизмом, не думать, что марксизм можно усвоить из того или иного учебного пособия». Вслед за этим он напоминает сыну, что марксистский

¹ Н. Я. Марр, «Языковая политика» (Избранные работы, т. 6, стр. 528).

метод надо применять «в самостоятельной работе, а для этого надо знать и историю самого марксизма, его сложение и развитие...» Исключительно интересны следующие строки письма: «Надо с философией быть знакомым. Мне теперь приходится овладевать ею, и жалею, что раньше не углублялся в эту сторону, конечно, не отрываясь от своей отрасли знания. Однако никак нельзя говорить: сперва материалами займусь, укреплю себя, а потом теорией, герр. философией. Помимо всего прочего, тогда можно обрести материалы, которые окажутся ненужными, мнимыми, и остаться — упустить случай накопить — без основных материалов, материалов первой необходимости»¹.

В своем докладе, сделанном на сессии Академии наук СССР в Москве 26 июня 1931 г., — «Язык и мышление» Марр правильно сказал, что «борьба с буржуазной идеологией вовсе не так проста и легка», и, обращаясь к собранию ученых, напомнил им следующие слова В. И. Ленина из статьи «О значении воинствующего материализма»: «Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мировоззрения»².

Марксизм был для Марра руководством к действию. И именно исходя из основных положений диалектического и исторического материализма, этого самого передового мировоззрения и метода, Марр строил свое учение о языке, подчеркивая, что «новое учение о языке начинается с Маркса — Энгельса», что Маркс и Энгельс «создали единственный исторический метод, вне которого нет возможности произвести состоятельное историческое исследование», что «они вскрыли в истории языка такие смены, такие ступени развития языка и общества, какие тогда казались невероятными»³.

¹ В. А. Муханкова, Н. Я. Марр, стр. 390—391.

² Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 120; см. также т. 1, стр. 281.

³ Н. Я. Марр, «Маркс и проблемы языка» (Избранные работы, т. 2, стр. 455).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ УЧЕНИЯ Н. Я. МАРРА О ЯЗЫКЕ.

Язык как
надстроечная
общественно-
идеологическая
категория.

Базируясь на основных положениях диалектического и исторического материализма, Н. Я. Марр характеризует язык как надстроечную общественно-идеологическую категорию. Язык — «сложнейшая и содержательнейшая категория надстройки», — пишет он¹. «...Язык, немислимый без неразрывно с ним связанного мышления, — пишет Марр в работе «Язык и современность», — является надстройкой всех сторон и всех моментов производства и производственных отношений. В языке находят свое полное надстроечное отложение и другие категории самой надстройки...»².

Устанавливая общественную природу, социальную сущность языка, Марр утверждает: «Язык, звуковая речь ни в какой стадии своего развития, ни в какой части не является простым даром природы. Звуковой язык есть создание человечества»³. Развивая эту мысль, он говорит: «Человечество сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях и пересоздаст его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта,сообразно новому в этих условиях мышлению.

... Языки... все созданы человечеством... Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нас, внутри нашей физической природы, а в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве и технике. Общественность наследует, консервирует или перелицовывает свою речь в новые формы, претворяет ее в новый вид и переводит в новую систему»⁴.

Подводя итог своим суждениям по вопросу о развитии языков мира, в своем общем курсе учения о языке Николай Яковлевич пишет: «Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя

¹ Н. Я. Марр, «Маркс и проблемы языка» (Избранные работы, т. 2, стр. 452).

² Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 35.

³ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 25.

⁴ Там же.

и хозяйства — отображение в технике и строе речи, равно и в ее семантике»¹.

«Жизненные языковые явления, — добавляет он, — лишь в их органической связанности с историей материальной культуры и общественностью»².

Подобные характеристики языка как «...категории социальной ценности...»³ обычны для Марра, для его «общественно-материалистической постановки науки об языке»⁴. Концентрированно они даны в его лекции «Язык», прочитанной слушателям восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина в мае 1927 г. Эту лекцию Н. Я. Марр начал с определения сущности языка: «Язык есть орудие общения, возникшее в трудовом процессе, точнее в процессе творчества человеческой культуры, т. е. хозяйства, общественности и мировоззрения. Язык создан человеческим коллективом так же, как на первых ступенях его общественного бытия памятники материальной культуры, предметы первой необходимости и сами виды коллективного производства, охота и различные ремесла и игры и как на дальнейших ступенях его существования выделившиеся искусства, художества, эпос, пляска, пение и музыка, право и другие категории общественных ценностей... Язык отразил в себе все пути и все ступени развития материальной и надстроечной культуры, усовершенствования орудий ее производства и все изгибы связанного с таким материально возникшим прогрессом общественного мышления...»⁵.

Это глубокое, материалистическое истолкование сущности языка с учетом и широким использованием основополагающих высказываний о языке классиков марксизма-ленинизма в дальнейшем разворачивается Н. Я. Марром в таких его работах последних лет жизни, как «Язык и мышление», «Язык и современность», «Яфетические языки» и др.

Рассматривая язык в его историческом развитии, академик Н. Я. Марр всегда отмечал его многообразные

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 70; ср. также т. 2, стр. 68.

² Там же, стр. 70.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Там же, т. 1, стр. 2.

⁵ Там же, т. 2, стр. 127.

диалектические связи с жизнью общества. Язык, по Марру, «отраженно воспроизводящий диалектику общественности»¹, является «мощным рычагом культурного подъема» и «незаменимым орудием классовой борьбы»². В отличие от различных представителей «социологического» направления в буржуазном языкознании Н. Я. Марр не только констатировал роль социального фактора в развитии языка, но всегда давал ему и ясное материалистическое истолкование.

Язык как идеологическая надстройка, отражая в своем развитии диалектическое развитие общественного бытия, определяет, по Марру, и метод своего изучения. «Сосредоточивая все свое внимание на внутренних причинах творческого процесса в развитии речи, — писал Марр еще в своем «Общем курсе учения о языке», — мы отнюдь не можем процесс этот помещать в самом языке. Язык такая же надстроечная общественная ценность, как искусство и вообще искусства. Мы силой вещей, свидетельством языковых фактов, вынуждены проследивать творческий процесс речи, факторы творчества в истории материальной культуры и на ней строящейся общественности и на этой базе слагавшихся мировоззрений»³.

Происхождение языка. Вопрос о происхождении языка академик Марр считал одним из важнейших и первоочередных вопросов в языкознании.

В. И. Ленин в своей знаменитой лекции «О государстве» говорил, что самое важное и необходимое в общественных науках — это «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁴.

Этого единственно приемлемого принципа придерживался и академик Марр. Для лучшего уяснения сущности языка он считал необходимым правильно осветить прежде всего вопрос о происхождении языка.

Буржуазные ученые боятся стать на твердую почву истории в решении вопроса о происхождении языка. Главе

¹ Предисловие к «Вишалам», Ленинград, 1931.

² Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 90.

³ Там же, т. 2, стр. 107—108.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, изд. 3-е, стр. 364.

зарубежной «социологической» школы Ф. Соссюра казалось, например, что «вмешательство истории лишь сбивает языковедов с толку»¹, а следовавший за ним американский лингвист Э. Сепир решение вопроса о происхождении языка иронически предоставлял «философам и беллетристам»².

В противовес реакционерам-идеалистам в языкознании Марр утверждал, что «...без интереса к происхождению языка не может быть никакой лингвистики, всякое учение о языке предполагает то или иное положительное отношение к этому вопросу, ту или иную концепцию возникновения языка, и только тогда специальные углубленные занятия отдельными языками могут явиться плодотворными. И чем правильнее поставлен и, разумеется, чем более и лучше освещен вопрос о происхождении языка, тем плодотворнее и вообще состоятельнее становится учение о языке, также и общее представление о взаимоотношениях языков»³. И в одной из своих последних работ — «Язык и современность» — Н. Я. Марр писал: «Языковед, отворачивающийся от проблемы о происхождении языка как не своего дела первой очереди в теоретических изысканиях, тем самым вычеркивает себя из числа языковедов»⁴.

Выдвигая проблему происхождения языка как одну из важнейших в науке о языке, Марр следовал в этом вопросе непосредственно классикам марксизма-ленинизма.

Возникновение человеческой речи Н. Я. Марр связывает с развитием трудовой деятельности первобытного человеческого коллектива. Энгельс о причинах возникновения человеческого языка, как известно, писал: «развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*»⁵. На эти

¹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, Соцэкгиз, 1933, стр. 117.

² Э. Сепир, Язык, Соцэкгиз, 1934, стр. 121.

³ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 69.

⁴ «Известия ГАИМК», вып. 60, стр. 11.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 454—455.

же причины происхождения языка указывает и академик Н. Я. Марр. Согласно Энгельсу и возникновение звуковой речи он датирует эпохой создания человеком первых искусственных орудий труда. В статье Н. Я. Марра «О происхождении языка» мы читаем: «...возникновение самой членораздельной (т. е. звуковой. — Г. С.) речи не могло произойти ранее перехода человечества на производственный труд с помощью искусственно сделанных орудий»¹. То же положение Марр формулирует в работе «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком». «Звуковая речь, — писал здесь Марр, — возникла лишь на известной ступени развития материальной культуры, ибо до выработки орудия производства, уже отделанного и усовершенствованного, не было и не могло быть звуковой речи...»². Подобные же замечания мы находим и в других работах академика Н. Я. Марра.

Появлению и широкому использованию в человеческом общении звуковой речи, по Марру, предшествовала ручная, кинетическая, речь как средство общения людей на самых начальных этапах их общественно-трудового развития. При этом Марр не отрицал существования рядом с ручной речью и отдельных элементов звуковой речи, не представлявших еще системы языка.

Очень сжато и в то же время ясно и аргументированно изложение вопроса о смене ручной речи звуковой академик Марр дает в своей лекции «Язык». «Человечество, — говорил в этой лекции Н. Я. Марр, — начало свое общение линейной или ручной речью, языком жестов и мимики. Оно продолжало его звуковой речью, языком членораздельных звуков, увязанной с линейной речью восприятием достижений, выработанных ею, линейной речью. Первый язык получил свое развитие с развитием общности, основанной на хозяйственной жизни, протекавшей с помощью природой данных орудий производства. Второй язык, звуковой, возник лишь после того, как человечество перешло на труд с помощью искусственного, им изобретенного орудия»³.

Развивая дальше свои взгляды, академик Марр отмечает, что «звуковой язык возник в эпоху сложного об-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 405.

² Там же, стр. 408.

³ Там же, стр. 129.

щественного строя с организующим коллективом..., когда человек был уже на высокой ступени умственного развития. Он к тому времени находился в обладании в совершенстве развитой ручной или линейной речью, которая без изъяна удовлетворяла потребности взаимообщения, общения коллектива с коллективом, да и отдельных лиц внутри коллективов. Линейный язык вполне отвечал и качеству и уровню умственного развития человечества начальных эпох и технически и идеологически. Человечество тогда мыслило дологическим мышлением, без отвлеченных понятий, представлениями в образах и в их нашему восприятию чуждой взаимной связи. Техника линейной речи легко справлялась с потребностью обмениваться представлениями в образах. Объем потребных понятий находил достаточно линейных символов с помощью жестов и мимики для исчерпывающего своего выражения»¹.

Звуковая речь, по Марру, — новый этап в развитии общественного человека. Потребность в ней не сразу была осознана. Марр следующим образом говорит об этом: «Потребности в звуковой речи в целях взаимного общения не было, да и по проникновении звукового языка в общий обиход долго и долго звуковой речью лишь дополнительно приправлялась линейная речь, продолжавшая господствовать в обиходной жизни. При отсутствии потребности в звуковой речи не могло быть и не было подготовки технических средств для осуществления мысли о звуковом языке. Между тем техника звуковой речи, сама система членораздельных звуков, весьма сложна и тонко разработана, и она плод долгих усилий, результат громадной работы над их усовершенствованием уже как средства для обмена образными представлениями и отвлеченными понятиями»².

Высказывая эту гипотезу, Марр отмечает, что анализ звуковой речи, а также сохранившихся в различных языках мира обозначений самого процесса речи в ее древнейшем развитии, богатые и разнообразные этнографические и антропологические материалы заставляют нас утверждать, что звуковая речь пришла именно на смену господствовавшей до нее ручной, или иначе — кинетической,

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 129.

² Там же, стр. 129—130.

речи. И в последние годы своей жизни Н. Я. Марр продолжал настаивать на первичности ручной речи, утверждая, что звуковая речь лишь сменила ручной язык и что «ручной язык не сразу возник. Он слагался длительно, у него также есть период становления»¹.

У классиков марксизма-ленинизма по вопросу о происхождении языка мы находим лишь указание на наличие звуковой речи у общественного человека, знающего уже искусственные орудия труда. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «На «духе» с самого начала тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, — словом, в виде языка». Энгельс отмечал, что «органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим» («Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»). В работе товарища Сталина «Анархизм или социализм?»² указывается на то, что уже у обезьяны — предка человека — создались все предварительные условия для появления и дальнейшего развития человеческой звуковой речи.

Опираясь на эти факты, некоторые ученики и последователи академика Н. Я. Марра считают теорию кинетической, ручной, речи в том виде, в каком она была изложена в работах Марра, требующей некоторого уточнения и пересмотра. Именно поэтому профессора В. К. Никольский и Н. Ф. Яковлев в своих брошюрах, посвященных вопросу о происхождении языка, переведенных в последние годы на языки стран народной демократии, совершенно умалчивают о вполне закономерной и основательно аргументированной гипотезе академика Марра. Гипотеза эта нисколько не противоречит отмеченным выше высказываниям по этому вопросу классиков марксизма-ленинизма, но, как и всякая гипотеза, требует проверки, дополнительных научных изысканий. Она представляет несомненную ценность и большой интерес, так как дает возможность осветить период становления первобытного человеческого коллектива, начального развития человеческого мышления и языка.

Язык
и мышление.

Вопреки типичному для буржуазной науки отрыву языка от мышления Марр всегда утверждал, что «мышление и язык нераз-

¹ Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 30.

² И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 294.

лучны», «когда (они) возникли, то возникли совместно»¹. Эти слова Н. Я. Марра полностью согласуются с известным утверждением Маркса и Энгельса: «Язык так же древен, как и сознание... Подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей нужды в общении с другими людьми»².

«Мышление и речь — брат и сестра, дети одних и тех же родителей, производства и социальной структуры», — пишет Н. Я. Марр в предисловии к русскому переводу известной работы французского этнографа Леви-Брюля «Первобытное мышление».

Академик Марр считал, что проблема мышления — «одна из величайших, если не самая великая теоретическая проблема в мире, именно потому, что его (мышления. — Г. С.) корни находятся не в нем самом и не в природе, а в материальном базисе, как это установлено диалектическим материализмом», потому что с проблемой мышления «связан скачок в людское общество из животной орды, животной стадности...»³.

Именно поэтому проблему мышления и его возникновения, теснейшим образом и неразрывно связанную с проблемой языка, Марр считает «предметом специальности» не только философов и психологов, но и языковедов. Поэтому и созданный им институт академик Н. Я. Марр назвал Институтом языка и мышления.

«Отстранение лингвиста, — говорил Н. Я. Марр, — от суждения о мышлении — это наследие европейской буржуазной лингвистики, как проклятие, довлеющее не только над теоретическими изысканиями по языку», но и «над всеми нашими предприятиями и по организации исследовательских и учебных дел»⁴, всякой специальности, не только по языку.

Вскрывая формалистичность индоевропейского языкознания, академик Н. Я. Марр писал: «Старое учение об языке правильно отказывалось от мышления, как предмета его компетенции, ибо речь им изучалась без мышления. В нем существовали законы фонетики — звуковых явлений, но не было законов семантики — законов воз-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 271; ср. т. 3, стр. 121 и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20—21.

³ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 104.

⁴ Там же, стр. 103; см. также «Язык и современность», стр. 12.

никновения того или иного смысла, законов осмысления речи и затем частей ее, в том числе слов. Значения слов не получали никакого общественно-идеологического обоснования»¹. И Марр справедливо обвинял специалистов старой школы в том, что у них «метод усматривал в языке объект для исследования лишь в формальной стороне, звучании, но не в идеологии»².

Согласно марксистско-ленинскому учению о единстве языка и мышления, Н. Я. Марр подчеркивает их теснейшую взаимосвязь, их диалектическое единство на протяжении всей истории развития человеческой речи. «Для Ленина, — пишет Марр, — язык не существовал без мышления, он резко отчеркнул и проблему «язык=мысль».

И, опираясь на ленинские высказывания, академик Марр указывает на неразрывную связь и особую роль языка-мышления в развитии труда и производственных отношений в человеческом обществе. «Язык, — говорит Н. Я. Марр, — есть не просто звучание, а и мышление, да и не одно мышление, а накопление смен мышления, смен мировоззрения, также двигающих сил, и потому в нем, мышлении, имеем магическое средство для сдвигов в производстве и производственных отношениях не только при их зарождении и зачаточных формах социальной структуры, но и в наши дни»³.

Цитируя слова Ленина — «язык есть важнейшее средство человеческого общения», Марр, применяя их к нашей, социалистической действительности, замечает: «И вот этим-то несравненным по своей действенности средством человеческого общения, именно языком-мышлением, приходится пользоваться как магическим средством, чтобы не только мимолетно приподнять настроение в работе, усилить темпы и с увлечением успешно довести свое сегодняшнее дело до конца, но организовывать труд с осознанной на многие годы планировкой в условиях беспрепятственного его технического усовершенствования»⁴.

Так проблема языка-мышления в работах гениального советского ученого получала исключительно актуаль-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 103.

² Там же, стр. 104.

³ Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 9.

⁴ Там же.

ное звучание, становясь важнейшей практической проблемой, правильное решение которой должно обеспечить высокий подъем труда в социалистически строящемся обществе.

Марр категорически возражает против утверждения о произвольном отношении звуков к значениям слов. «Нет не только слова, — говорит он, — но и ни одного языкового явления, хотя бы из строя речи (морфологии, синтаксиса) или из ее материального выявления... нет ни одной частицы звуковой речи, которая при возникновении не была бы осмыслением, получила бы какую-либо языковую функцию до мышления...»¹. Таким образом, значение неразрывно связано со своим звуковым оформлением, и даже простейшая звуковая единица человеческой речи — фонема, по утверждению Марра, является «социально-отработанным звуком».

Учение о звуках человеческой речи — фонемах — теснейшим образом связано у Марра с его отказом признать в качестве первичного элемента речи изолированный звук. Первоначальным элементом звуковой речи Марр признает слово, в результате развития которого и выделяются звуки-фонемы. «Для яфетидолога, — говорил Марр в своем докладе в Ленинградском университете, — лингвистический элемент — это значимое слово, т. е. мысль в звуковом воплощении, чем и было положено начало звуковой речи; для индоевропейца лингвистический элемент — звук, так называемая фонема»². Марр утверждает, что отдельные членораздельные звуки в речи образуются в результате длительного исторического развития человека. По этому поводу в том же докладе Н. Я. Марр указывал: «Осознание (фонемы) как самостоятельной функциональной части первичных слов — элементов — явление очень позднее, когда у каждой уже стабилизированной группировки языков имелся в наличии лишь определенный подбор таких звуков от двух-трех десятков до восьми-десяти, изолирующий одну систему языков от другой системы...»³.

Еще Ф. Энгельс в своей, к сожалению, незаконченной работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 111.

² Его же, Яфетидология в Ленинградском государственном университете (Избранные работы, т. 1, стр. 258).

³ Его же, Избранные работы, т. 1, стр. 258.

человека» указывал на длительный исторический путь оформления звуковой речи человека — «потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась, путем модуляции, для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим». Утверждение Марра о фонемах как «социально-отработанных звуках» вполне соответствует этому положению Энгельса. Постепенное развитие звуковых элементов речи и выделение членораздельных осмысленных звуков — фонем это и есть процесс их социальной отработки, четкой смысловой дифференциации и артикуляционного уточнения, связанного с анатомо-физиологическим развитием органов человеческой речи.

Касаясь начальных эпох развития человеческого мышления, Марр видит его специфику в том, что «мышление в первичном состоянии есть коллективное осознание коллективного производства с коллективным орудием и производственных отношений; язык — коллективное выявление коллективного осознания в оформлении и объеме в зависимости от техники мышления и мировоззрения»¹. Проводя дальше грань между общественным мышлением человека и элементами сознания у животных, Марр пишет: «Приходится ударять на термин «осознание», который пока в академических словарях отсутствует, между тем именно осознание является водораздельным моментом (по-латыни сказали бы ученые *discrimen*) между животными и людьми.

Осознание, это — первичный вид научного исследования, первого пути, первого метода, зародыш, из которого выделилась и развилась наука с формальной логикой, бесильная перед проблемой скачка из животного мира в людской и сменяемая новой наукой с диалектико-материалистическим мышлением»².

Рассматривая проблему о мышлении как одну из величайших теоретических проблем в мире, решение ее Марр считает высоким творческим подвигом. «Решение проблемы о мышлении, хотя бы теоретическое, это — социальный творческий подвиг не ученого, а общественности...», — читаем мы у него в работе «Язык и мышление»³.

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 112.

² Там же.

³ Там же, стр. 106.

Сам Марр к решению проблемы о мышлении подходит, по его собственным словам, диалектически, разделяя ее на вопрос о возникновении людской речи, т. е. мышления + языка, и вопрос о позднейших стадияльных сменах техники мышления. «Благодаря палеонтологии речи, вскрывая смену значений слов, этих надстроечных социальных стоимостей, на различных ступенях стадияльного развития, — говорит Марр, — новое учение об языке не выделяет вопроса о происхождении мышления из глоттогонии (языкотворчества), и, ставя проблему о происхождении языка, как основную, тем самым считает первоочередной и проблему мышления, отводя служебное место технике речи, звуковая она или ручная»¹.

Проблема изменения, развития языка теснейшим образом связана с проблемой изменения и развития мышления. «На всех стадиях мышление неразлучно с языком, одинаково с ним изменчиво», — говорит Н. Я. Марр в заключительной части своего доклада «Язык и мышление»². И неразрывно прослеживая историю языка и историю человеческого мышления, языковые материалы Н. Я. Марр проверял всеми доступными науке историческими источниками, выдвигая на первое место памятники материальной культуры.

«Без истории материальной культуры все языковедное здание рухнуло бы», — писал Марр в своей работе, опубликованной в «Известиях» Государственной Академии истории материальной культуры»³.

В истории языка академик Марр в первую очередь рассматривает историю развития значений, семантики, увязывая ее именно с историей материальной культуры и историей общественных форм через посредство истории человеческого мышления, общественной идеологии.

Разрабатывая вопросы истории языка, Марр устанавливает важнейшие законы развития значений слов, в частности, — закон функциональной семантики и закон разделения единого значения на противоположные (закон поляризации значений). Действие этих законов он показывает на многочисленных примерах. Н. Я. Марр отмечает, что в производственном процессе в различные исто-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 106.

² Там же, стр. 121.

³ «Доистория, предистория, история и мышление» («Известия ГАИМК», вып. 74, стр. 33.)

рические эпохи замена одних предметов другими при выполнении одной и той же производственной функции вела к тому, что ранее употреблявшиеся слова приобретали новые значения (наименование каменного топора становилось обозначением металлического, обозначение жолудя как предмета питания переносилось на хлеб и т. д.).

Это и является проявлением закона функциональной семантики. Иллюстрируем его еще одним примером из работы Н. Я. Марра «Языковая политика яфетической теории...». «Со словом *соль*, — указывал Марр, — сейчас мы связываем представление о *соленом, едком*, как приправе пищи, и мы готовы его происхождение искать в связи со словами, означающими *острый, кислый*, или со средой, откуда добывается *соль*, — *соляными копями, морем*, но все это обывательские догадки, которыми грешил и я. Ими упорно и систематически может орудовать лишь такое формальное учение, как изжитая индоевропеистика. Функция же, возлагавшаяся общественностью той древней стадии развития материальной культуры на *соль*, была сохранять пищевой продукт от гниения, делать в я л е н ы м, т. е. функция, для которой использовывалось раньше исключительно *солнце* с его т е п л о м, ж а р о м, и *соль* получила свое название от *солнца*. Таким образом, *соль*, как *огонь*, своею функциею *жарить, греть* и т. п. заменившая *солнце*, как это для наших представлений обычных ни странно, одинаково носит название, означавшее раньше *солнце*. Естественно, что *огонь* и *соль* могут совпасть именно потому, что первоначально они оба одинаково означали один и тот же предмет — *солнце*»¹.

В своих замечательных работах «Язык и мышление», «К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем» и в других академик Марр дает ряд прекрасных иллюстраций, показывающих, как важнейший закон диалектики — единство противоположностей — проявляется в развитии значений слова, когда в результате мощных производственных сдвигов в общественной жизни и развитии человеческого мышления один и тот же корень с ранее нерасчлененными противоположными значениями начинает использоваться в двух противоположных

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 5, стр. 477.

значениях (*начало и конец, верх и низ, день и ночь, белый и черный и др.*).

Развитие значений в языке, смысловой стороны речи Марр анализирует в неразрывной связи с развитием формальной стороны языка, его структуры (синтаксиса и морфологии) и материального звукового оформления.

«Морфологии формальной, — пишет он, — предшествует морфология идеологическая, построение не только фраз с соблюдением определенного порядка в расположении тех или иных понятий, впоследствии частей речи, но и построение слов, в которых один элемент или восполняется другими для более точного восприятия, или осложняется другим как определением, для уточнения»¹.

Касаюсь вопроса об историческом развитии грамматической системы, Марр говорит, что «звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, частей речи, а с предложения..., т. е. начинается с синтаксиса, строя, из которого постепенно выделяются части предложения, определяющиеся по месту их нахождения в речи»².

Н. Я. Марр ставит перед собой весьма сложную задачу — решить вопрос об историческом развитии формальной стороны языка, считая необходимым даже возникновение «отвлеченных грамматических категорий» увязать с «общественностью и производством».

«Уделяя много внимания историческому развитию языковой действительности, — пишет Марр, — новое учение о языке тем самым не только не отдаляется от мировоззрения и метода основоположников марксизма-ленинизма, но, напротив, подтверждает богатейшими конкретными материалами каждое из положений материалистической диалектики в области языка и приближает нас к их углубленному пониманию. Ибо, как справедливо указывает Энгельс, невозможно понять предмет без его истории»³.

Происхождение различных грамматических категорий выясняется Марром с того древнейшего периода языкотворчества, когда только зарождалась звуковая речь человека. Развитие грамматики Марр рассматривает в диалектическом взаимодействии с семантикой и освещает

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. 2, стр. 132.

² Там же, стр. 417.

³ Там же, т. 1, стр. 290.

конкретные вопросы происхождения и развития отдельных категорий синтаксиса, морфологии и фонетики.

В своей лекции «Язык и современность» Н. Я. Марр указывал: «Когда мы говорим о закономерности возникновения и развития речи, потом слов и служебных частиц, идя последовательно от всей речи к отдельным словам, как от совокупности к единицам или как от целого к частям и частицам, то такое положение не только правильно по диалектической логике, но оно фактически четко прослеживается на конкретных языковых фактах и не требует особых усилий, чтобы понять его и принять»¹.

Конкретизируя вопрос о происхождении частей речи, академик Марр утверждает, что части речи лишь постепенно выделяются из частей предложения. В первую очередь выделяются имена, которые не были еще именами существительными в нашем смысле. Выражая лишь синтаксически отношения частей предложения к отраженной в них реальной действительности, среди этих имен, по Марру, первоначально особую роль выполняют имена, выступающие в функции местоимений. Соединение первичных местоимений с другими именами приводило к образованию форм глагола, с одной стороны, и имени существительного, вернее, его отдельных падежных форм, — с другой.

«При выслеживании последовательности зарождения слов, — писал Марр, — в первую очередь приходится останавливаться на именах..., которые, не будучи, понятно, еще именами существительными в нашем смысле, давали представления о предметах, или которые, становясь фактически уже существительными, вмещали в представлении о них потенциально все части речи, и имя существительное, и его то или иное качество, или ту или иную форму его, или правомочность его в представлении первобытного человека замещать имя существительное и то или иное действие, связанное функцией этого обозначаемого таким существительным предмета»².

Марр объединяет в одно стройное целое механически отгороженные в старом языкознании друг от друга фонетику, морфологию, синтаксис, словарь и семасиологию (учение о значениях слов); он уничтожает тот разрыв

¹ Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 14.

² Е го же, Избранные работы, т. 2, стр. 417.

между исторической и современной грамматиками, который нашел свое наиболее яркое выражение в трудах реакционной «социологической» школы французско-швейцарского языковеда Ф. Соссюра и его последователей.

Начиная с первоначальных моментов зарождения звуковой речи и кончая высокоразвитыми современными национальными языками, Марр устанавливает решающую роль синтаксиса, самой существенной стороны звуковой речи, по отношению к которой морфология являлась лишь техникой, подобно тому, как фонетика была техникой для морфологии. «Техника звуковой речи, — пишет Марр, — начинается с синтаксиса, главнейшей вообще части всякой звуковой речи. Синтаксис отличается именно тем, что в нем идеология и техника неделимы, еще не расчлененно слиты, диффузны, не дифференцированы...»¹.

В работе академика И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» и некоторых других эти плодотворные идеи Н. Я. Марра находят свое дальнейшее развитие. В них показывается исторический процесс развития грамматических форм языка, который в ряде работ был уже намечен академиком Н. Я. Марром. Развитие грамматической системы ясно рисуется как путь от первоначально неразложимого инкорпорированного целого (слова-предложения) через выделение из него отдельных частей инкорпорированного комплекса с последующим развитием отдельных членов предложения и образующихся из них частей речи.

Н. Я. Марр не раз определял язык как орудие борьбы. «Язык сам по себе всегда был и есть величайшее орудие борьбы в руках искусно владеющего им, — писал он. — Язык призван стать еще более могучим, прямо-таки магически действенным орудием в руках строителей нового мира...»².

Характеристика классовой сущности языка, отражения в языке классового сознания, классовой идеологии дается Марром в его исследованиях различных этапов творчества.

Еще в своих ранних трудах по армянскому и грузинскому языкам Н. Я. Марр убедительно показал, что в этих внешне монолитных языках мы наблюдаем фактически

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. 3, стр. 402.

² Там же, т. 1, стр. 277.

два языка: язык господствующей верхушки феодального общества — язык древнеармянский и древнегрузинский и народную речь, которая, в свою очередь, может быть социально дифференцирована. Марр не раз отмечал, что языки феодальной верхушки грузинского и армянского обществ по своей системе стоят ближе друг к другу, чем каждый из них к народному языку феодальной Армении и феодальной Грузии. Марр убедительно доказал и различие древнеписьменных литературных языков от живой речи, наблюдаемой в многочисленных армянских и грузинских диалектах, что он объяснял различием в мышлении противостоявших друг другу классов армянского и грузинского общества.

В работах советского периода Марр категорически отрицает положение буржуазного языковедения о внеклассовости и монолитности национального языка в эпоху капитализма. «Коренная ошибка принципиального характера, — писал Марр в своей работе «Первая выдвигенческая экспедиция...», — какая присуща и до сего дня старому учению о языке, индоевропеистике, и всем ее адептам; состоит в том, что народы рассматриваются как массивы, каждый с единым цельным диалектом, а диалекты, — наречия они или говоры, подговоры — физически воспринимаемыми частями по географическим секторам, т. е. ab ovo (от зачаточных начал) наречия и говоры, как и языки, представляются прикрепленными районно с охватом всей массы населения, всех социальных слоев».

Свой вывод о письменных языках как языках господствующих классов Марр распространил затем не только на языки Кавказа, но и на другие языки мира. В своих работах, посвященных истории письма, он устанавливает также классовое происхождение и классовый характер различных систем письма.

**Проблема
развития языка.**

Устанавливая не только эволюционные процессы в развитии языков мира, но и их коренные изменения, Марр разрабатывает учение о стадильности развития языков, понимая под ним качественные, революционные изменения всей структуры языка, зависящие от коренных сдвигов в развитии производительных сил и производственных отношений в истории человечества. В противовес взглядам буржуазных языковедов, словами французского лингвиста А. Мейе утверждавших, что «не видно ника-

кого средства установить внутренние взаимоотношения между лингвистической формой и обществами, которые ее употребляют», что «констатировать можно лишь фактические (внешние) взаимоотношения», Марр считает решенным вопрос о теснейшей увязке процессов развития языка с действием социально-экономических факторов.

Марр стремится проследить на протяжении длительных исторических периодов «динамику звуковой речи», историческое развитие грамматических и лексических форм языка в целом. Он в многочисленных своих исследованиях показывает «разновременность появления отдельных категорий в структуре звуковой речи и строго определенную в этом отношении последовательность...»¹. Впервые ставя вопрос о стадильности языкового развития, в 1923 г. в своем сообщении «Индоевропейские языки Средиземноморья» он, как было уже сказано раньше, утверждал, что «индоевропейские языки Средиземноморья никогда ниоткуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово-особой семьи или тем менее восходил к какому-либо расово-особому праязыку». В том же сообщении Н. Я. Марр указывал, что «индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидному, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, может быть, и в сопутствии привходящих пермутаций физической среды; индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий...»².

Несколько позже различные системы построения звуковой речи академик Марр связывает со сменами общественного мышления, что «по совокупности вытекает из различных систем хозяйства и им отвечающих социальных структур»³, предлагая схему и соотношения смен социально-экономических формаций и различного строя мышления и звуковой речи.

27 октября 1928 г. Н. Я. Марр прочитал в Коммунистической академии в Москве доклад «Актуальные про-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 67.

² Там же, т. 1, стр. 180.

³ Там же, т. 3, стр. 70.

блемы и очередные задачи яфетической теории»¹. В этом докладе он уделил значительное место вопросу о стадийном развитии языков мира.

«Принадлежность различных систем морфологии к различным периодам языкотворчества, — предупреждал он, — опирается, разумеется, не непосредственно на тот или иной тип техники, хозяйственной и социальной структуры, а при посредстве мышления»².

В этом же докладе Н. Я. Марр наметил и основные пути (стадии) развития звуковой речи, не считая тем самым окончательно решенной эту проблему.

«Смены мышления, — указывал он, — это три системы построения звуковой речи, по совокупности вытекающие из различных систем хозяйства и им отвечающих социальных структур: 1) первобытного коммунизма, со строем речи синтетическим, с полисемантизмом, без различения основного и функционального значения; 2) общественной структуры, основанной на выделении различных видов хозяйства с общественным разделением труда, т. е. с разделением общества по профессиям, расслоения единого общества на производственно-технические группы, представляющие первобытную форму цехов, когда им сопутствует строй речи, выделяющий части речи, а во фразе — различные предложения, в предложениях — различные его части и т. п., и другие с различными функциональными словами, впоследствии обращающиеся в морфологические элементы, с различением в словах основных значений и с нарастанием в них рядом с основным функционального смысла; 3) сословного или классового общества, с техническим разделением труда, с морфологиею флективного порядка»³. Рисуя эту схему стадийного развития человеческой звуковой речи, Марр, как уже было сказано, не считал предлагаемое им решение проблемы окончательным и требовал ее неоднократной проверки.

Марр резко возражает против традиционного представления развития звуковой речи в порядке «биологического процесса — массового деторождения возникших языков, увеличения потомства». «Самый процесс развития звуковой речи, — утверждает он, — представляет картину не размножения языков, а унификацию их, расту-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 61—77.

² Там же, стр. 70.

³ Там же, стр. 71.

шую с каждым этапом хозяйственного развития человечества»¹.

Н. Я. Марр обращает внимание на то, что существование многих сотен, свыше тысячи языков «...приводит в протрацию...» даже ученых, но и это многоязычие, как справедливо заявляет он, «...уже результат длительного процесса унификации, раньше языков было еще больше, менее совершенных, менее приспособленных для уточненного использования слов»².

С присущей Марру лаконичностью формулировок весь сложнейший исторический процесс развития человеческой речи он характеризует следующим образом: «В начале... многоязычие и источник оформления и обогащения языка, залог его развития, в самом ходе и развитии жизни и ее творческих сил, в развитии хозяйства, общественного строя и мировоззрения, и как человечество от кустарных, разобщенных хозяйств и форм общественности идет к одному общему мировому хозяйству и одной общей мировой общественности в линии творческих усилий трудовых масс, так язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку»³.

Разработка учения о стадильном развитии языков осталась незавершенной Н. Я. Марром, но, как правильно отмечает академик И. И. Мещанинов, учение о стадильном развитии языков мира, намеченное Н. Я. Марром, решительно отличает советское языкознание от традиционного языкознания⁴, в котором основное внимание уделяется эволюционным изменениям в языке, преимущественно изменениям в области фонетики и морфологии. Формулируя учение о стадильном развитии языков мира, Марр в корне подрывает антиисторическую и метафизическую концепцию буржуазных языковедов по вопросам развития языка. Эта концепция построена на признании существовавших якобы в прошлом праязыков, в результате постепенного, эволюционного изменения которых будто бы и развились существующие сейчас отдельные языки и их «семьи», резко изолированные, как и их «праязыки»,

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 71.

² Там же, стр. 72.

³ Там же, т. 2, стр. 135.

⁴ И. И. Мещанинов, Учение Н. Я. Марра о стадильности, «Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР», т. 1, за 1947 г., стр. 35.

одна от другой, отражая в своей структуре биологические и психические особенности той или иной расы.

Учение Марра резко противостоит и нелепым взглядам современного в буржуазном языковедении реакционного направления структуралистов, отрицающего эволюционное развитие языков и допускающего лишь одни скачки в изменении языковой структуры.

Итак, признавая революционные изменения, коренные сдвиги в языковой системе, как завершающие эволюционные, постепенные изменения системы языка под влиянием сдвигов в общественной жизни, учение Марра отмечает извращенные представления процесса языкового развития.

В противовес реакционному, расистскому по своей сущности, решению вопроса в буржуазном языковедении, Марр выдвигает прогрессивное и революционное учение о едином языкотворческом процессе и стадильном развитии всех языков мира. Развитие всех языков мира, по Марру, отражает одни и те же социальные закономерности, что обусловлено единством общественно-исторического процесса. Исходя из этого, при построении общего языковедения Н. Я. Марр требует учета особенностей как высокоразвитых, так и отсталых в своем развитии языков.

Таким образом, учение Н. Я. Марра о едином языкотворческом (или иначе — глоттогоническом) процессе и стадильном, т. е. историческом, развитии всех языков мира отнюдь не отрицает качественного своеобразия каждого из них, исходя из историко-материалистического представления о развитии человеческого общества.

Резко возражая против утверждения старой индоевропейской школы языкознания о существовании расово-изолированных «чистых» и однородных племенных языков, Н. Я. Марр, согласно взглядам классиков марксизма, подчеркивает, что процессы скрещения и объединения племенных языков и диалектов, отражая конкретный ход человеческой истории, общественно-производственное объединение отдельных племен и их групп в более крупные этнические образования, играют выдающуюся роль в процессе языкотворчества.

Еще в 1925 г. в статье «Происхождение языков» акад. Марр писал: «Сами племена образовывались не по признакам физических данных, а по общественным по-

требностям, возникавшим в процессе развития хозяйственной жизни. Простых образований, девственно непочатых представителей какой-либо чистой расовой речи не только мы не находим ни в одном племени, даже яфетическом, но их никогда и не было. В самом возникновении и естественном дальнейшем творческом развитии языков основную роль играет скрещение. Чем более скрещения, тем выше природа и форма возникающей в его результате речи¹. Развивая ту же мысль, несколько позже он утверждает: «Без скрещения не могло бы возникнуть никакого языка, тем более не мог бы развиваться далее какой-либо язык». Родство языков, по Марру, — «социальное схождение, неродство — социальное расхождение»².

Еще раз останавливаясь на проблеме скрещения в 1930 году, акад. Марр подчеркивает, что «скрещение языков, зависящее от сближения, общения и объединения хозяйства», — «явление общественного в истоке порядка»³.

Если буржуазное учение о языке возникло на основе изучения сравнительно небольшого круга индоевропейских языков, то Марр в качестве одинаково ценных источников построения советской науки о языке рассматривал как языки письменные, так и языки бесписьменные и младописьменные, языки больших и малых народов, языки мертвые, богато развитые языки сложившихся наций и мелкие говоры народностей и племен, отставших в своем развитии.

Решительный враг космополитизма, устанавливая принципы построения общего учения о языке, Марр настаивает на необходимости учитывать особенности каждого из языков мира, исчерпывающе углубленно изучать конкретную систему каждого языка. С этим связано и заявление его о том, что «наукой об языке может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна отныне протекать специальная работа над каж-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 218.

² Там же, т. 2, стр. 399.

³ Там же, т. 1, стр. 257.

дым языком, исчерпывающе углубленное исследование каждого языка»¹.

Это определение языкознания как науки Н. Я. Марр формулирует в своей замечательной статье «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком».

В ней же он замечает: «...нам важны черты не только роднящие, но и разъединяющие, нам нужен анализ парно сближаемых языков и в их расхождениях...»².

Это заявление Марра непосредственно связано с его же утверждением о том, что «особенность нельзя противопоставлять сущности». «Я боюсь, — писал Марр, — опасных последствий для нашей работы, если мы особенности откинем, довольствуясь общим. Это именно не марксистски, наоборот. Без особенностей, создающихся теми же факторами, что и общие закономерности, не было бы движения»³.

Таким образом, Марр решительно выступает против традиционного буржуазного компаративизма, не считающегося с национальным своеобразием языков и литератур мира и ставшего излюбленным методом «сравнительников» — космополитов. Марр не отрицал известной роли и значения сравнительно-исторических исследований при изучении языков. Но в его понимании сравнительно-исторический метод резко отличается от его обычного применения в старом, компаративистском языковедении.

В Ленинградском университете в 1929—1930 гг. Н. Я. Марр сам читал курс, посвященный схождениям и расхождениям армянского и грузинского языков; как известно, сам он составлял и сравнительные грамматики яфетических и семитских языков. Но всегда на первый план и при сопоставлении различных языков он выдвигал историко-материалистическое освещение процесса развития языков одной или различных систем.

Еще в первой своей статье, специально посвященной вопросу о происхождении языка, Н. Я. Марр противопоставлял материалистические установки яфетической теории формально-сравнительному методу индоевропейцев. «Господствующая индоевропейская школа языкознания, — писал он, — не признает, да и не может признать яфетической теории, так как она опрокидывает ее

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 410.

² Там же, стр. 414.

³ В. А. Муханкова, Н. Я. Марр, 1948, стр. 62 и 353.

не только основные положения вроде сказки о праязыке, но и подрывает самый метод ее работы, исключительно формально-сравнительный. Разрабатываемая яфетическим языкознанием основная сторона истории языка, именно возникновение и развитие в доисторические времена эпохи дологического мышления¹, значений слов, органически связанных с общественностью и с творчеством по материальной культуре тех же эпох (палеонтология речи и генетическая семантика), индоевропейскому языкознанию недоступна по отсутствию в поле его зрения подлежащих материалов.

И именно в различии метода, положенного в основу создававшегося им нового учения о языке, и формально-сравнительного метода индоевропеистики он видел принципиальные расхождения нового и старого учения о языке. Эти принципиальные различия он и имел в виду, заявляя, что «о примирении новой теории со старой по принципиальным вопросам не может быть речи, если индоевропеистика не откажется от своих главных положений»².

Сравнительно-формальный метод индоевропеистов Марр резко критиковал. В «Чувашах-яфетидах на Волге» он писал: «...сравнительный метод вообще обманчив, существовавший же метод индоевропеистов оказался учением лишь формальным, упустившим, что человечество меняло формы, самые типы языка, меняло с ними не только значения слов, но и основы распределения значений, и даже их соиздания в связи с изменением системы мышления в зависимости от коренной перестройки хозяйственной и общественной жизни»³.

¹ Термин «дологическое мышление», использованный французским буржуазным этнологом Лези-Брюлем, Н. Я. Марр всегда упреждал условно, что много раз и оговаривал. Так, например, характеризуя так называемое «дологическое мышление» в «Языке и современности», он пишет: «предшествовавшее (логическому. — Г. С.) мышление ранних стадий, когда оно сложилось, мало сказать было идеологическое, наглядно увязанное корнями с материальной базой; оно было одновременно и идеологически, и технически (формально) — синтетическое, и такому мышлению отнюдь нельзя отказать в логичности: оно, это мышление, также было логическим, но менее абстрактным, более наглядным, по увязке с материальной базой, диалектико-материалистической логикой, соответствующей в базисе — первобытному коммунизму» (стр. 13).

² Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 219.

³ Там же, т. 5, стр. 326.

Вновь касаясь вопроса о сравнительно-формальном методе в статье «Безличные, недостаточные существительные и вспомогательные глаголы», Н. Я. Марр указывал: «На место построенной на наследственном генетическом родстве классификации языков по различным расам или странам их происхождения пришла классификация, построенная в зависимости от стадильной ступени развития шаг за шагом добытых систем, где не только равнозвучающие и равнозначные языковые явления, но и по звуку и смыслу противоположные слова и морфологические образования раскрываются как признаки родства. Этим самым формальный метод, чисто формально сравнительный, так называемый «компаративизм», был «снят» и заменен идеологическим палеонтолого-социологическим методом. Достаточно сослаться на мою опубликованную в 1925 г. русскую грамматику грузинского языка и на французское пособие по моим краткосрочным, дважды (в 1927 и 1929 гг.) читанным в «Ecole nationale des langues orientales vivantes» лекциям (cours libre), чтобы ясно увидеть коренное различие обоих методов. Но сейчас и французская грамматика грузинского языка немного устарела»¹.

Таким образом, «палеонтолого-социологическим» методом, которым прослеживалось подлинно историческое развитие мышления-языка, Марр заменил ту «бесмыслицу» в языковедении, которая нашла свое отражение в «исключительном развитии учения о формальной стороне речи»².

Выступая систематически против сравнительно-формального метода в традиционном его применении, Марр не раз подчеркивал, как правильно резюмирует В. А. Миханкова, что «сравнение лишь формы без учета общественной значимости языкового явления в конкретной исторической обстановке неизбежно повлечет ложный вывод о заимствовании формы и тогда, когда вопрос должен стоять о сходных идеологических представлениях, сложившихся в сходных общественных условиях»³.

Н. Я. Марр не считает достаточным и такое изучение конкретного языка, которое ведет лишь к определению его стадильной типологии, связанной с развитием мыш-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 304.

² Там же, стр. 179.

³ В. А. Миханкова, Н. Я. Марр, 1948, стр. 319—320.

ления и, конечно, зависящей от общих закономерностей развития человеческого общества. Его, помимо того, интересуют обнаруживаемые в результате сопоставлений языков расхождения в их словаре и грамматическом строе. «Эти расхождения, — пишет он, — и составляют оправдание (*raison d'être*) для существования и признания отдельных языков. Эти расхождения не представляют собой отложений независимых отвлеченных явлений, так называемых фонетических или иных формальных языковых фактов, принимаемых за законы; они и не случайные вклады со стороны налетавших миграций или внешних явлений «великодержавных культур» («заимствований»), а итоги внутреннего процесса развития...»¹, который, конечно, как предупреждал Марр, «мы отнюдь не можем... помещать в самом языке»².

Конкретная историческая обстановка, условия материальной жизни общества определяют, по Марру, развитие языка и то основное и существенное в языке, что и составляет его специфику. Это ничего общего не имеет с методологией традиционного компаративизма.

Н. Я. Марра всегда интересовала проблема единого мирового языка будущего. Академик Марр неоднократно цитировал руководящие высказывания И. В. Сталина по вопросу о едином международном языке: «...вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос *внутригосударственный*, не вопрос победы социализма в *одной* стране, а вопрос *международный*, вопрос победы социализма в *международном* масштабе». Н. Я. Марр лингвистическими материалами подтверждал единственно возможное и правильное решение вопроса о едином мировом языке в бесклассовом коммунистическом обществе, данное товарищем Сталиным на XVI партсъезде, подчеркивая, что в этом «новом и едином языке»... «высшая красота сольется с высшим развитием ума»³.

Вопрос о едином международном языке будущего Н. Я. Марр тесно связывал с вопросом о едином глоттогоническом (языкотворческом) процессе. Заканчивая свою статью о яфетических языках, акад. Марр писал: «Этот

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 4, стр. 230.

² Там же, т. 2, стр. 107—108; см. цитату на стр. 26 данной брошюры.

³ Там же, т. 3, стр. 111—112.

(глоттогонический — Г. С.) процесс находит свое объяснение в диалектическом развитии материальной базы непрерывно за все время исторического существования человека, с момента выработки коллективным трудом при изменчивом орудии коллективного мышления с его идеологической техникой, с чем было положено начало нового скачка в развитии первичного смутного сознания на высокую ступень все растущего осознания — познания. Практические последствия самого актуального значения этих, казалось бы, чисто теоретически важных достижений громадны, особенно у нас в реконструктивный период, когда человечество создает единство своей хозяйственной жизни, и в СССР закладываются практически в социалистическом его строительстве основы материальной базы будущей единой речи — «расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт» (И. Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)»¹.

Единство теории и практики. Истинный патриот своей родины, верный друг народностей СССР, Николай Яковлевич Марр, следуя указаниям товарища Сталина, всегда считал необходимым связывать науку с практикой социалистического строительства. Марр часто напоминал своим ученикам замечательные слова товарища Сталина: «... необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма»².

На Первой всесоюзной конференции историков-марксистов в Москве Н. Я. Марр прочитал доклад «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории». В этом докладе Марр говорил о неразрывной связи науки с жизнью.

«Наука, не увязанная с жизнью в XX столетии, — говорил Марр, — это или лицемерное утверждение, или пережиток средневековья с монастырями. Наука, не увязывающаяся с экономикой и общественностью в социали-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 311.

² И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 142.

стически строящейся стране, — это наука без путей, наука без метода»¹.

Ученый-большевик решительно возражал против попыток рассматривать новое, материалистическое учение о языке лишь в применении к древнейшему периоду человеческой речи. В своем исследовании «Яфетические зори на украинском хуторе» Марр твердо заявляет, что «новое учение об языке никак нельзя приковывать к скале, да заточить в пещеру, предоставляя ему рыться в мало кого интересующей доистории языка, в её оторванности от последующих ступеней стадияльного развития»². Язык, как и мышление, не отвлеченная материя, заявляет Марр и призывает всех работников советской науки к активному участию в социалистическом строительстве страны.

«Боец научно-культурного фронта», как сам себя называл Марр, выдающийся ученый, он провел колоссальную работу, содействующую развитию национально-языковой культуры народов СССР. С одной стороны, он устанавливал научно-теоретические языковедческие основы для той огромной работы по созданию и развитию национальных письменностей и литературных языков, которая впервые в истории была осуществлена в Советском Союзе на основе ленинско-сталинской национальной политики. С другой стороны, он сам активно участвовал во всех государственных мероприятиях, связанных с подъёмом и развитием национально-языковой культуры многочисленных народов СССР. Деятельное участие в языковом строительстве национальных республик и областей он считал обязательным и для всех своих учеников и последователей.

Большое научное значение придавал крупнейший исследователь составлению новых и усовершенствованию архаичных по своему построению — на арабской, ламаистской и подобной им основе — алфавитов. Он сам непосредственно занимался вопросами орфографии, терминологии, изучением народных говоров. Его частые поездки в Закавказье и на Северный Кавказ, в Абхазию, Дагестан, Приволжье и Прикамье, в Ижевск, Чебоксары, Пермь, Ульяновск, Алатырь, а также в Сухуми, Махач-Калу, Ростов, Нальчик и другие центры национальных районов страны были связаны с кропотливым изучением вновь и

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 153.

² Там же, т. 5, стр. 250.

вновь вовлекаемых им в научное исследование языков и с желанием оказать непосредственную практическую помощь народностям Советского Союза, говорящим на яфетических, тюркских, иранских, угро-финских и других языках. Считая изучение живых языков СССР и подготовку научных кадров из среды народностей, впервые получивших культурное развитие при советской власти, делом большого государственного значения, Н. Я. Марр организует аспирантуру при академических учреждениях в Ленинграде. В Москве он создает Комитет по изучению культуры народов Кавказа, преобразуя его затем в Комитет по изучению этнических и национальных культур Советского Востока, а в дальнейшем в Институт национальностей СССР, неизменно сам возглавляя эти научные организации.

В 1949 году исполнилось 25 лет с момента организации созданного Марром в Москве Комитета по изучению культуры народов Кавказа, преемником которого является сейчас Московское отделение Института языка и мышления имени Марра, преобразованное в 1937 г. из Института языка и письменности народов СССР, созданного на базе Института национальностей.

Н. Я. Марр при своей исключительной работоспособности умело сочетал проводившуюся им громадную научно-исследовательскую работу с деятельностью научно-организационной. Помимо организации ряда научных учреждений в Москве, с его именем связано создание Академии истории материальной культуры и Института языка и мышления Академии наук СССР в Ленинграде, ряда научно-исследовательских учреждений на Кавказе и в других местах. Н. Я. Марр был длительное время председателем Всесоюзной секции научных работников, вице-президентом Академии наук СССР, членом ВЦИК, Ленсовета, а также ряда руководящих правительственных и научных организаций в республиках СССР. Своей общественно-политической деятельностью Н. Я. Марр придавал исключительно большое значение.

Живые бесписьменные и младописьменные языки народов СССР были богатейшим и незаменимым источником, широко использованным академиком Марром при построении им нового учения о языке. Их огромное значение для развития основных положений советского научного языкознания неоднократно отмечал академик Марр.

«Дальнейшее развитие нового учения об языке, — писал он, — в исключительной степени связано в первую голову с изучением живых младописьменных или вовсе бесписьменных языков, языков масс, и с судьбой, т. е. житьем-бытьем, говорящих массово на этих языках»¹. Этими словами Марр еще раз подчеркнул признаваемую им обязательной связь лингвистической теории с языковой практикой.

Исключительно большую роль языка как орудия культурной революции освещает Марр в работе «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема». «Современный строй, — пишет он, — выдвинул значение каждого языка как орудия пропаганды, как средства массовой общественной работы во всех уголках нашего Советского Союза, независимо от его исторических заслуг, независимо от его культурных достижений, часто вопреки его наличной неприспособленности для такой задачи, можно сказать, для такого общественно налагаемого нашим строем подвига, для такой собственно не более не менее как культурной революции. Ясное дело, что для производства такой культурной революции необходимо не только быть знатоком языка, как он есть, но знать и то, как язык сделался тем, что он есть, как бы он ни был несовершенен, значит, как он возник и развивался, и, следовательно, как он может стать тем, чем он общественно должен быть»².

Характеризуя место родного языка учащихся в советской школе, Марр совершенно правильно заявляет, что «...родной язык в СССР намечается в кандидаты на то место, которое в свое время с честью занимали в европейской школе классические мертвые языки, греческий и латинский. Ясное дело, что это касается каждого родного языка, не одних бесписьменных или младописьменных языков. Это касается и русского языка...»³.

Непосредственно к советской школе относятся замечательные слова выдающегося ученого-большевика: «...никакая школа не может остаться без теоретического изучения основного орудия общественности и человечности, языка, и менее всего советская школа, поскольку новая общественность требует более расширенного и бо-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 276.

² Там же, т. 5, стр. 422.

³ Там же, стр. 395.

лее углубленного использования речи, не только письменной, но и устной, притом уже обычно массово-публичной»¹.

Н. Я. Марр требует конкретного подхода к осуществлению права, предоставленного многонациональному и разноязычному населению Советского Союза, иметь школу на родном языке учащихся. В упомянутой работе «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема» Н. Я. Марр ставит вопрос: «Какой смысл говорить теперь о пользе родного языка в преподавании?» И сам отвечает на него: «Свобода культурного самоопределения каждой национальности, каждого народа, каждого племени — это альфа в строительстве Советского Союза, и нет никакой надобности доказывать разумность того, что предоставлено... Вопрос не в том, — говорит Н. Я. Марр, — что предоставлено, а в том, что и как осуществляется и может осуществляться»².

Н. Я. Марр хорошо понимал, что, как учит И. В. Сталин, «развитие национальных культур должно развернуться с *новой силой* с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке»³.

Особое внимание он поэтому уделял вопросу об использовании родного языка учащихся в школьном преподавании, подчеркивая, что «без правильной теоретической основы нельзя достигать грамотности, одними формальными приемами эмпирического порядка не изжить ужасающе неуступчивой безграмотности даже по давно, казалось бы, стабилизовавшимся языкам, в том числе и русскому...»⁴.

В своей статье «К задачам науки на Советском Востоке» Н. Я. Марр прекрасно обосновал необходимость широкого использования родного языка населения в социалистической перестройке национальных районов СССР. «Отказ от родной речи, — отмечает он в этой статье, — и непосредственное обращение к русскому языку, на котором будет вестись преподавание общественности и культуры своего же народа со своим особым языком и с особым, хотя бы пережиточным бытом и складом мышления, исключает участие масс в хозяйственно-культурной ра-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 5, стр. 394.

² Там же.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 368.

⁴ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 5, стр. 393.

боте и тем самым вычеркивает одно из первых условий социалистического строительства»¹.

Еще в дооктябрьский период Марр с особым вниманием относился к изучению языков малых, угнетенных народов. Никогда он не рассматривал эти языки лишь в узко теоретическом плане. Они не были в его глазах только пережитками, уцелевшими от древнейших эпох. Всегда в этих языках он видел важнейший элемент, могучий рычаг культуры создавшего их народа. И поэтому исключительно важным он считал всё, что направлено на развитие этих языков и культур «в линии сталинского определения их культуры, культуры социалистической по содержанию и национальной по форме»², на основе ленинско-сталинской национальной политики. По утверждению Марра, «народы с языковой установкой одной из ранних стадий идеологически перестраивают свою речь по потребностям актуальности, минуя промежуточные стадии, необходимые для мирового процесса, и так пускают свои живые корни в творческое, наливающее их новыми соками-силами производство новой стадии»³.

С восторгом Марр указывает на то, что «Октябрьской революцией взорваны замкнутые «миры» и со стройкой Союза Советских Социалистических Республик идет новое языковое строительство. Весь Союз обратился в лабораторию языкотворчества: 169 не существовавших вчера или бесправных языков по, казалось, расово-прирожденной отсталости говорящих на них народов получают бытие и письменность, идет по ним массовая работа»⁴.

Обращая внимание на встречающиеся факты непонимания национально-языковой политики, проводимой в Советском Союзе, Н. Я. Марр указывает, что «даже товарищи, глубоко проникнутые идеологиею нашей актуальной общественности, усматривают противоречие между неуклонным шествием человечества к единому внеклассовому обществу с единым языком, т. е. к унификации речи, и столь изумительно усердной, так неслыханно развертывающейся по всему нашему Союзу общественной работой над насаждением и развитием множества раньше и в по-

¹ «Просвещение национальностей», вып. 2, 1930, стр. 14.

² Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 443.

³ Его же, Язык и современность, стр. 33.

⁴ Его же, Язык и мышление (Избранные работы, т. 3, стр. 93).

мине не водившихся литературных языков. Точно безумцы хотят создать лишние помехи на пути прогресса человечества». «Очевидно, — подчеркивает Марр, — за отсутствием специальных знаний да правильных представлений по истории языка, у товарищей с подобными опасениями нехватает понимания того, что действительно мешает унификации языка и что, наоборот, содействовало и содействует унификации»¹. Возвращаясь к этому же вопросу в другом месте, Н. Я. Марр добавляет: «Все это свидетельствует о незнакомстве авторов данных утверждений, что все культурнейшие языки, живые ли они или мертвые, в определенный момент их развития были с такими же или еще большими дефектами»².

Языки всех народов СССР стали сейчас мощным орудием развития социалистической культуры. Поэтому Н. Я. Марр всегда считал необходимым содействовать росту и развитию этих могучих рычагов культурного подъема всего советского народа.

Итак, созданная Н. Я. Марром на основах марксистско-ленинской методологии общая теория языковедения в своей конкретно-лингвистической части опирается на богатейший опыт изучения и развития языков и национально-культурного строительства в Советском Союзе.

Расширение лингвистического кругозора, лучшее осознание социальной сущности языка, законов и перспектив его развития — все это достигается в работах над языками различных систем многонационального Советского Союза.

Указывая на особую ценность для специалистов с общелингвистическими интересами своеобразной системы яфетических языков Кавказа, Марр отмечал, что «...знание одного из яфетических языков в освещении обоснованной на них теории станет предпосылкой подготовки действительно компетентного специалиста по общему языкознанию...»³.

К глубокому сожалению, безусловной необходимости изучения яфетических языков или языков другой системы, резко отличных от индоевропейских, для работающих по

¹ Н. Я. Марр, «Родная речь» (Избранные работы, т. 5, стр. 393).

² «К задачам науки на Советском Востоке» («Просвещение национальностей», вып. 2, 1930).

³ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 3, стр. 34.

вопросам общего языкознания не понимают еще многие научные работники, даже руководители кафедр в столичных и провинциальных вузах.

Пересмотр
и уточнение
отдельных
положений
в учении
Н. Я. Марра.

Наука для Марра была всегда партийной. Борясь за создание и развитие советского материалистического языкознания, он прекрасно понимал, что на этом пути неоднократно потребуется пересмотр многих намечавшихся им положений яфетической теории и впоследствии нового учения о языке.

«...Советская власть,— писал он,— ...без интенсивного использования наук обходиться не может, не может отвернуться от необходимости усиливать свою научную базу знаниями всех наук, но в то же время она нуждается в науках с новыми методами» (разрядка моя. — Г. С.)¹.

Надо было, по словам Марра, выбирать «между формальным методом и общественно-материалистической постановкой науки об языке»².

Не для всех, даже ближайших учеников Марра, был ясен его путь. Новая идеология, новый метод в работах уже маститого ученого отпугивали неустойчивых, колеблющихся и привлекали новых работников и учеников — коммунистов и беспартийных — «созвучного закала», которым новый этап работы Н. Я. Марра идеологически был более близок и дорог.

Марр был всегда глубоко самокритичен. И каждый раз, осознавая возможные еще в его построениях недочеты и не всегда верное использование метода марксистской диалектики, он говорил: «Мы охотно признаем, что по части марксистской проработки в яфетическом языкознании есть что подправить и исправить»³. Он желал активного включения в проверку создаваемого им нового учения о языке историков-марксистов. Об этом он писал и в предисловии к сборнику «По этапам развития яфетической теории»; об этом он говорил, обращаясь и прямо к советским историкам на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов в 1928 г. К критике и самокритике он призывал своих учеников и последователей,

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 235.

² Там же, стр. 2—3.

³ Там же, стр. 267.

стремясь полностью освободиться в создававшемся им новом учении о языке от «пелены буржуазного мышления». В критике и самокритике он видел могучий стимул развития и усовершенствования научно-теоретической работы во всех областях знания. Этому большевистскому принципу он был верен до последних дней своей кипучей и поучительной творческой жизни.

Руководствуясь прямыми указаниями ЦК ВКП(б) по вопросам критики и самокритики и следуя в этом непосредственному призыву самого академика Марра, мы к его наследию, в известных его частях, должны подойти критически. Среди вопросов, требующих критического рассмотрения, наше внимание должны привлечь, прежде всего, вопрос о начальных этапах развития звуковой речи и проблема так называемого палеонтологического анализа.

Мы уже изложили учение Марра о происхождении языка. По Марру, ручная речь предшествовала возникновению и широкому использованию у людей системы звуковой речи. Марр правильно возражает против всяких попыток ручной язык человека свести к так называемому языку животных. Даже ручная, кинетическая, речь имсет предпосылкой своего развития трудовую коллективную деятельность человека на самых начальных этапах существования человеческого коллектива. Гипотеза Марра вполне закономерна и нисколько не противоречит высказываниям по этому вопросу классиков марксизма-ленинизма, говоривших лишь о звуковой речи человека, развившейся в период, когда человек создал и уже использовал искусственные орудия труда.

Но, конечно, нельзя согласиться с академиком Марром в том, что звуковая речь после ее возникновения длительное время была достоянием лишь небольшой группы жрецов-магов. Совершенно правильно обуславливая происхождение звукового языка развитием хозяйственной деятельности первобытного человека и усовершенствованием его сознания, Марр ошибочно приписывал особую роль в возникновении звуковой речи первобытной магии, а также ошибочно смешивал производственное деление членов человеческого коллектива в доклассовом обществе с классовой дифференциацией. Именно эти ранние высказывания Н. Я. Марра требуют критического анализа и критической переработки.

Как мы уже отмечали, в отличие от индоевропейской

лингвистики, которая основным лингвистическим элементом всегда считала звук и развитие звуковой речи рассматривала как развитие от звука к слову и от слова к предложению, Марр основным лингвистическим элементом считал «значимое слово, т. е. мысль в звуковом воплощении», которое первоначально было и предложением (словом-предложением) и из которого в связи с развивающейся семантикой постепенно вырабатывалась грамматическая система и выделялись отдельные «социально-отработанные звуки» — фонемы.

В период построения яфетической теории, освещающей проблему развития звуковой речи, Марр устанавливает небольшое количество первоначальных лингвистических элементов, изначальных корней-слов. Этот первичный корнеслов и был той материальной базой, на которой в результате разнообразного скрещения этих элементов и развилась в дальнейшем звуковая речь человечества. Марр колебался как в установлении определенного количества, так и в определении генезиса этого первичного корнеслова. Но не раз он отмечал наличие четырех первичных звуковых комплексов, использовавшихся и при кинетической речи и отражавших, согласно ранним утверждениям Марра, четыре самоназвания четырех яфетических племен. Скрещиваясь одно с другим четыре яфетических племен образовали новый племенной состав; разнообразное скрещение четырех лингвистических элементов приводило к установлению нового этапа в развитии звукового языка. Учение о четырех лингвистических элементах прочно вошло в яфетическую теорию Марра. Несколько позже Марр, стоя уже на позициях материалистического языкознания, пересмотрел своё учение об элементах и внес в него совершенно новое содержание. Он устанавливал их связь уже не с отдельными яфетическими племенами, а с выявлением в языке человеческого мышления.

В докладе «Язык и современность» (1932 г.) Марр утверждал, что «лингвистический элемент... это первичный звуковой комплекс, своей историей обоснованный как надстройка, не только как элемент звучания, но и как элемент мышления»¹. Здесь же академик Марр предупреждал, что в процессе исторического развития зву-

¹ Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 5.

ковой речи эти первичные лингвистические элементы — «основная конструктивная часть звуковой речи»¹, — первоначально непосредственно связанные с общественно-производственным развитием человека, претерпели ряд стадияльных изменений в своей идеологической (передаваемом содержании) и формальной (звуковом оформлении) части.

Отсюда «трудность восприятия этих четырех лингвистических элементов, а с ними и правильного восприятия языкотворческого процесса, следовательно, и четких перспектив языкового строительства, не дважды, не трижды, а еще многократно возрастает оттого, что речь в процессе своего развития пережила ряд стадий, сменявших и идеологию, и оформление, и технику во всех разрезах до расхождений по противоположности»².

Поскольку даже ближайшие ученики Марра неоднократно пытались формалистично подходить к использованию элементного анализа и слишком упрощенно толковать учение Марра о первичном составе человеческой звуковой речи, отметим, что проблема элементного анализа, неразрывно связанная у Марра с использованием палеонтологического (исторического) метода исследования языка, требует к себе самого серьезного внимания.

Марр широко использовал элементный анализ в своих работах. Чтобы читать и понимать этимологии Марра, надо хорошо разобраться в применяемой им методике исследования. Было бы неправильным и просто обходить молчанием выработанный Марром элементный анализ. Как относиться сейчас к этому лингвистическому приему Марра? На этот вопрос ответить надо.

Что Марр разумел под элементами? Привожу его слова из курса «Яфетическая теория», в котором Марр писал: «Привыкли мы к тому, что каждый звук воспринимается отдельно, точно человеческая речь началась с тех отдельных звуковых величин, которые теперь произносятся с такой ясной членораздельностью и легкостью, точно самородки или хотя бы первичные элементы. Между тем ни отдельных звуков, ни даже представления о таких отдельных звуках не существовало и тогда, когда человечество стало пользоваться звуковой речью.

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 1, стр. 261.

² Его же, Язык и современность, стр. 5.

Впервые сложившаяся речь разлагалась не на отдельные членораздельные звуки, а отдельные звуковые комплексы, цельные слова, в своей цельности членораздельно произносимые всего четыре основы, из которых слагается основной лексический состав языков всего мира. Конечно, каждый из этих четырех основных элементов представлял и комплексный звук с невыделяемыми из его состава потенциальными звуками этого комплекса. Долго и долго отдельные звуки не были дифференцированы в той степени, как впоследствии. Даже став членораздельными, звуки сначала сохранили диффузность, были диффузными, что отчасти пережило в дошедших до нас языках.

Вначале же у человека не было вовсе привычной впоследствии членораздельности, он в ней не нуждался, обходясь без звуковой речи, располагая обиходной речью кинетической — ручной или линейной»¹.

Первичное слово-элемент, по Марру, многозначно. К утверждению этого положения Марр пришел в результате большого исследовательского труда, связанного с анализом древнейшего (первичного) корнеслова различных языков мира и, в первую очередь, ряда яфетических языков Кавказа. Как уже говорилось, Марр долго колебался как в установлении количества, так и в определении качества и происхождения первичных словарных элементов. Но самый факт существования в языках подобного первичного корнеслова вряд ли можно оспаривать. Эти первичные словарные элементы в языке напоминают корнесловы яфетических языков Западного Кавказа, в которых легко прослеживаются подобные первичным корням элементы. Трудно не согласиться и с правильностью многих этимологий Марра, данных в результате применения им элементного анализа.

Пожалуй, никто не станет сейчас настаивать на наличии именно четырех первичных элементов речи. Но для того, чтобы не создалось у некоторых лингвистов упрощенного представления о палеонтологическом анализе по элементам, использовавшемся Марром, следует иметь в виду предупреждение Марра, обращенное к лицам, применявшим этот анализ.

¹ Н. Я. Марр, Общий курс учения об языке (Избранные работы, т. 2, стр. 84—85).

В уже цитированном курсе «Яфетическая теория», предостерегая против формалистического использования элементарного анализа, Н. Я. Марр писал:

«Без предварительного производства такого анализа, без разложения слова на начальное в нем количество элементов, одного, двух или более, нельзя сравнивать, без такого анализа сравнительный метод недействителен. Однако этот количественный или формальный анализ еще ни к чему не обязывает, ибо при существовании в человеческой речи всего-навсего четырех элементов получилось такое количество созвучных или совпадающих по формальному облику, ничего общего друг с другом не имеющих, что и случайное тождество может ввести и действительно вводит сплошь и рядом в безграничное число заблуждений, несмотря на существование так называемых фонетических законов, требованиям которых они часто вполне удовлетворяют. Спасает лишь качественный анализ двух категорий, один простой качественный анализ, как бы физический, когда созвучие проверяется значимостью слова, так называемый семантический анализ, притом значимость утверждается не установившимся представлением на основании употребления в том или ином письменном или вообще классовом языке, как это принято в индоевропейской лингвистике, а по законам палеонтологии речи. Другой анализ, более сложный, как бы химический, анализ также семантический, когда значимость проверяется или удостоверяется прежде всего историей материальной культуры, равно историей общественных форм и затем историей надстроечных социальных категорий, искусства, художеств и т. п.

При учете и этих идеологических моментов речи дать правильное определение состава элементов в слове не так-то легко, как если бы дело шло о применении лишь формального анализа, об определении количественного и материального (звукового) наличия четырех элементов в слове»¹.

И совершенно неоспоримо звучит следующее утверждение академика Марра, данное в одной из последних его работ «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема». В ней он писал: «Без идеологического обосно-

¹ Н. Я. Марр, Общий курс учения об языке. Вступительная речь (Избранные работы, т. 2, стр. 16—17).

вания, увязанного с производством, общественностью и ее мировоззрением на той или иной ступени развития, анализ по четырем элементам способен был бы завести в такие же дебри, в какие завело старое учение об языке с его голым формальным методом»¹.

Таким образом, палеонтологический анализ по элементам требует очень больших знаний не только по языку, но и по истории, требует от исследователя незаурядной эрудиции и не является какой-то самоцелью. Он не допускает упрощенчества в языковедческих исследованиях и при умелом его использовании в историко-словарных работах, в частности при анализе древнейшей номенклатуры в языках мира, может быть вполне применим и полезен.

Нельзя не согласиться с теми замечаниями, которые делаются сейчас в отношении упрощенческих попыток применения элементного анализа к современному строю высокоразвитых языков, в которых уже невозможно установить первичный корнеслов. Против формально-механического использования палеонтологического метода всегда протестовал и сам академик Марр. Даже в одном из своих последних печатных выступлений, в предисловии к первому выпуску сборника «Язык и мышление», в 1933 г. он писал, что «анализ по элементам чрезвычайно сложен и труден, однако, именно потому, что он не формален, а идеологичен, увязан с техникой мышления. Но об этом особо...». Марр, следовательно, предполагал в дальнейшем развить это положение, но преждевременная смерть его в 1934 г. помешала этому.

Необходимое сейчас критическое рассмотрение взглядов академика Марра по вопросу о начальном развитии звуковой речи и палеонтологическом анализе по элементам, содействуя общему росту советского языкознания, несколько не умаляет основных заслуг Н. Я. Марра в создании нового, материалистического учения о языке. Этого до сих пор не хотят понять некоторые ученые, которые, подобно действительному члену Академии наук Грузинской ССР проф. А. С. Чикобаве, объявляют все учение Марра механистическим и фактически противопоставляют ему, как якобы более приемлемые, реакционно-идеалистические построения различных зарубежных языковедов.

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 5, стр. 408.

Непоколебимый борец за подлинную науку, основанную на принципах материализма, непримиримый враг всевозможных реакционно-идеалистических построений, академик Н. Я. Марр всей своей деятельностью указывал тот путь, по которому должен идти и сейчас каждый советский ученый, каждый советский лингвист. Именно поэтому ознакомление со всей творческой работой Н. Я. Марра имеет большое научно-образовательное и воспитательное значение как для специализирующихся в любой отрасли языкознания, так и для преподающих язык в любом типе школ.

Материалистическое языкознание и советская школа.

Советская школа должна дать учащимся знания по основам наук (в том числе и по языку), построенных на принципах материализма, на принципах марксистско-ленинской методологии. Именно поэтому преподаватель языка должен прежде всего сам хорошо ознакомиться с созданным в Советском Союзе новым, материалистическим учением о языке. Лингвистическая теория Марра, несомненно, поможет советскому учителю реализовать в школе и требования об историзме в преподавании, сформулированные в известном Постановлении ЦК ВКП(б) от 22 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе».

Историзм уже вошел в практику работы учителей-словесников. Он обусловлен самой спецификой языка, понимаемого материалистически. Историзм служит прекрасным средством идейно-политического воспитания учащихся. Он является в то же время одним из средств сознательного усвоения изучаемого учащимися в школе, а, следовательно, и одним из действенных средств борьбы с формализмом в преподавании и в знаниях учащихся¹.

Новое, материалистическое учение о языке, созданное академиком Марром, дает учителю в руки материал, помогающий ему разъяснить социальную сущность и закономерности развития языка, обусловленные развитием самого общества. Выявляя единство языка и мышления и утверждая наличие в языке только осмысленных элементов, новое, материалистическое учение о языке своим

¹ См. тезисы доклада Н. Н. Прокоповича «Об историзме в преподавании русского языка» на сессии Академии педагогических наук в июне 1949 г.

острием направлено против формалистического восприятия и истолкования языковых фактов.

Сопоставляя положение классических языков, греческого и латинского, в старой дореволюционной школе с родными языками учащихся, Н. Я. Марр совершенно правильно писал, что «и как объект исследования, и как материал для иллюстрации современного учения об языке, любой живой язык может заменить классический язык как предмет развивающий и содействующий культурному подъему своего народа более, чем классические языки в наличной их лингвистической разработанности»¹.

Прекрасно обосновал академик Марр общеобразовательное значение преподавания родных языков в советской национальной школе. «Преимущество выбора родной речи таким общеобразовательным предметом лингвистического порядка в советской национальной школе, — говорил он, — вытекает прежде всего из того, что в родной среде ее знают как свой язык и одновременно знают материальную культуру, быт и мировоззрение ее общественного окружения. Подлинные крестьянские дети приходят сейчас в школу с большей подготовленностью для усвоения нового учения об языке, обладая из практики знанием деревенского быта, живой этнографии и материальной культуры, чем раньше дети даже буржуазного класса, когда они являлись обучаться классическим языкам, не имея, разумеется, из дома ни малейшего понятия о живом быте и общественности греков и римлян, ни малейшего знакомства с их историей материальной культуры»².

Непосредственно к преподавателю языка обращены следующие глубоко содержательные слова, намечающие методические основы преподавания. «Уже на первых шагах школьного преподавания родного языка, когда дети приносят с собой обычно знание каждый своего говора, учитель, вооруженный методом нового учения об языке, в этих расхождениях детской речи найдет не источник смущения, а материал и для разъяснения особенностей родной речи, и для рационального обоснования использовать грамотность, а если ее нет, учиться и созидать единство типа своего языка, единство и стабилизацию

¹ Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема (Избранные работы, т. 5, стр. 435).

² Там же, стр. 435—436.

ность письма, ту же грамотность»¹. Н. Я. Марр любил советскую школу и неоднократно обращался к ее практике, стремясь помочь советскому учителю методологически и методически перестроить преподавание важнейшей школьной дисциплины, которой является язык.

Теория Марра дает преподавателю и конкретный материал, разъясняющий развитие не только значений и словарного состава в языке, но представляющий и исторический процесс развития всей грамматической системы языка. Теория Марра поможет учителю выработать у учащихся марксистско-ленинское понимание такой общественно-идеологической категории, какой является язык.

Конечно, материал по проблемам общего языкознания, включаемый в школьную практику, должен быть строго ограничен и доступен для учащихся. Доступным и понятным для школьников должна быть и форма его изложения. Но несомненно то, что уже в школе учащиеся могут и должны быть ознакомлены с проблемой происхождения языка и с основными этапами развития человеческого письма, они должны быть ознакомлены на конкретных примерах с развитием словаря и его причинами, с наблюдаемым постоянно изменением значений слов, с ростом и совершенствованием человеческого мышления, выявляющимися в словарно-семантической и грамматической системе языка. Учащиеся должны понять классовый характер и классовую направленность языка как в прошлом, так и в наши дни. В простой и доступной форме их надо ознакомить с той исключительно важной и большой работой, которая проводится в Советском Союзе по развитию национальных языков и письменностей народов СССР. Имя академика Николая Яковлевича Марра должно быть близким и родным для учащихся, как имя одного из выдающихся деятелей советской материалистической науки, активного строителя советской культуры.

Марр об отечественной и зарубежной науке.

Творческое наследие Марра входит в драгоценный фонд русской и советской науки. Имея исключительные заслуги в развитии отечественной науки, Н. Я. Марр всегда с глубоким уважением относился к лучшим представителям русской и советской научной

¹ Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема (Избранные работы, т. 5, стр. 436).

мысли. Он не переносил слепого преклонения перед зарубежной наукой. Решительно восставал он против любых попыток представить русскую науку раболепно плетущейся в хвосте за наукой зарубежной. Еще в дореволюционные годы он указывал, что «на очереди стоит вопрос о признании за Россией мирового значения и в науке»¹. В 1918 г. он писал: «Несмотря на хорошо известные мне слабые или отрицательные стороны русской ученой жизни, я глубоко убежден, что в русской науке давно уже творятся мировые ценности, она — большой фактор в мировой науке, ее задачи и цели мировые, общечеловеческие»². Н. Я. Марр неоднократно возмущался тем, что «у поколений русских ученых развивают аппетит к западным мыслям»³ и, высказываясь уже в советский период, Н. Я. Марр одной из причин нашего отставания в отдельных областях науки считал «доселе неизжитое раболепие перед Западом, мыслелюбознь, худшее и наиболее злокачественное наследие прошлого»⁴.

Выступая на праздновании 40-летия литературной деятельности Максима Горького, Н. Я. Марр отметил, что один из представителей английского империализма Киплинг заявил, что «русский пленяет, пока он остается человеком восточным, а не тогда, когда он хочет быть цивилизованным человеком западного мира». Давая решительный отпор зазнавшемуся шовинисту, академик Марр с гордостью сказал, что «в СССР не только русские, но ни одна национальность, и подлинно восточная, не думает останавливаться в своем росте», добавив при этом — «в росте не в западного европейца, а в будущего человека коммунистического общества»⁵.

Резко характеризовал Н. Я. Марр современное состояние гуманитарных наук за рубежом: «В так называемых гуманитарных науках на Западе, — писал он, — застой или неразбериха, растерянность или утопические исследовательские поползновения, давно сложившиеся изжи-

¹ «Записка о Кавказском историко-археологическом институте» («Известия Академии наук», 1917, стр. 963).

² «Известия Академии наук», 1918, стр. 1515.

³ В. А. Миханкова, Н. Я. Марр, 1948, стр. 418.

⁴ «Вишпы». Предисловие, «Труды ГАИМК», т. 1, 1931, стр. 3.

⁵ «Вестник Академии наук СССР», 1932, № 10, стр. 18.

тые научные мировоззрения разлагаются, причем чувствующие крушение старых теорий и старых подходов к научным вопросам цепко хватаются за старые положения, не замечая, что они являют картину того, как утопающий хватается за соломинку...»¹. И совершенно правильно Николай Яковлевич заключал: «Новая Европа из отвратительного европейского чванства впадает в лицемерный скептицизм или в паскуднейший нигилизм, именно агностицизм»².

Разоблачая пресловутую американскую демократию, в своем выступлении на митинге в связи с приговором узникам из Скотсборо, Марр бросил суровый упрек американским ученым: «Почему, — спрашивает он, — протестуем мы, а не протестуют американские ученые? Вот если бы они протестовали, это было бы последовательно: ведь они утверждают, что у них все в порядке. Да они и правы: когда речь о казни негров и совершается эта казнь в Америке, то тут для американской общественности нет ничего антиобщественного. Таков строй, такова общественность, такова идеология, научно защищаемая... Нам, советским ученым, хорошо известно, что буржуазный строй в Америке полон таких противоречий, что мирным путем разрешиться они не могут. В Америке и социально отнюдь неблагоприятно. Казни с соблюдением законов эволюционно-процветающей демократии — лучший обличитель этого благополучия. Обострение мер борьбы и казни пачками — дело не только внутренней политики Америки. Казнь негров, казнь китайских коммунистов — это страх перед нашим социалистическим строящимся Союзом. Это последняя надежда запугать нас и затормозить растущую во всем мире уверенность среди пролетариата и среди угнетенных наций, что Советский Союз — их опора. Поэтому..., — закончил Марр свое выступление, — надо нам налечь на нашу работу, надо научным работникам не оставаться в хвосте социалистического строительства, потому что только с ростом и укреплением Советского Союза падут не только казни, но и классы, их питающие»³.

Как прекрасно звучат эти слова и в наши дни!

¹ В. А. Миханкова, Н. Я. Марр, 1948, стр. 421.

² Там же.

³ Там же.

О современном
положении
в советском
языкознании.

Со смертью акад. Марра созданное им новое учение о языке не остановилось в своем развитии. Ученики и последователи акад. Н. Я. Марра во многом плодотворно развивают и дополняют положенные им основы советского материалистического языковедения. Продолженное уже после смерти Марра широкое и всестороннее изучение бесписьменных и младописьменных языков народов Советского Союза, а также языков народов СССР с многовековой литературной традицией дало исключительно ценный материал, послуживший как для обогащения советской языковедческой теории, так и для дальнейшего развития языков народов СССР.

Лишь за последние годы созданы десятки научных грамматик и словарей по ранее совсем не изучавшимся или малоизучавшимся языкам: славянским — украинскому, белорусскому; народов Севера — ненецкому, нанайскому, гилякскому, корякскому и другим; угрофинской группы — коми, удмуртскому, мордовскому, марийскому, карельскому, хантыйскому, мансийскому и другим; Кавказа — грузинскому, армянскому, абхазскому, адыгейскому, кабардино-черкесскому, абазинскому, аварскому, лакскому, лезгинскому, табасаранскому и другим; тюркским — кумыкскому, башкирскому, ногайскому, ойротскому (алтайскому), хакасскому, татарскому, азербайджанскому, узбекскому, казахскому, туркменскому, каракалпакскому, тувинскому, якутскому и другим; монгольским — бурятскому, халха-монгольскому и другим; иранским — осетинскому, таджикскому и другим.

В распоряжении советских языковедов имеется сейчас громадное количество языковых материалов, требующих тщательного анализа, углубленного изучения и серьезного научно-теоретического обобщения.

Исключительно ценные работы проведены по изучению взаимоотношений диалектов и литературных языков не только давно сложившихся наций, но и народностей, получивших возможности своего национального развития лишь при советской власти, в результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики.

Для иллюстрации научных достижений в этой области достаточно указать на всестороннее и детальное изучение многочисленных языков и диалектов Дагестана, Север-

ного Кавказа, Средней Азии, Дальнего Востока и других районов страны. Диалекты и языки многочисленных народностей, внимательно исследуются не только из чисто теоретического интереса, но и с целью лучшего обслуживания говорящего на них населения, не имеющего своей письменности, ближайшей к ним по языковому строю письменностью, а иногда также для использования словарных и фразеологических богатств отдельных диалектов при создании и развитии литературных языков и народностей, получивших письменность на национальной основе лишь при советской власти.

Впервые в истории языковедения именно у нас, в среде советских языковедов, создаются на новой основе труды по сравнительной грамматике разносистемных и разностадиальных языков. Такими исследованиями являются широко известные труды акад. И. И. Мещанинова: «Общее языкознание»¹, «Члены предложения и части речи»² и некоторые другие. В трудах акад. Мещанинова, требующих тщательного изучения и в отдельных случаях, как указывает и их автор, критического рассмотрения, мы находим первую и пока единственную попытку применения сравнительного метода к разносистемным и разностадиальным языкам, к сожалению, без достаточного еще развертывания историзма в исследовании.

В этих работах по-новому ставится вопрос об основных грамматических понятиях, уточняются вопросы происхождения и взаимоотношения различных грамматических категорий. Стремясь разрешить проблему стадиального (исторического) развития языков мира и ставя эту проблему на конкретно-языковую почву, акад. Мещанинов правильно отмечает, что здесь еще предстоит большая работа и что ему в процессе исследования приходится от многого отказываться и многое пересматривать.

Следует надеяться, что в последующих работах как самого И. И. Мещанинова, так и сторонников возглавляемого им сейчас нового учения о языке вопрос о стадиальности языка, его словарной и грамматической системе найдет свое разрешение на путях подлинно историко-материалистического исследования языка, рассматриваемого в единстве с общественным сознанием человека.

Несомненно, большие успехи нового учения о языке

¹ Учпедгиз, 1940.

² Издательство Академии наук СССР, 1945.

связаны и с подготовкой значительных кадров педагогов и исследователей-языковедов, в частности — из среды народностей, не имевших ранее своей интеллигенции.

Обращаясь к практике наших вузов и школ, мы не можем отрицать значительных достижений и в области преподавания языковых дисциплин.

Но до последнего времени в советском языковедении еще недостаточно освещен ряд проблем, разрабатывавшихся академиком Марром, в частности — проблема словаря, семантики и материальной культуры; языка и нации; национально-языкового строительства и ряд других.

Нужно сказать, что и такая важнейшая проблема, как «Язык и класс», последнее время совершенно не разрабатывается советскими языковедами, хотя в трудах классиков марксизма-ленинизма мы находим много глубоких и разнообразных характеристик языка в классовом обществе.

В последнее время советские языковеды несколько ослабили свое внимание и к большим вопросам, связанным с развитием национальных языков и письменностей в СССР, которые так волнуют сейчас советскую и партийную общественность в национальных областях и республиках Союза. Эпоха расцвета национальных культур и языков в их социалистическом развитии ставит перед исследователями и практиками национально-языковой работы в СССР задачу самого тщательного изучения и учета всех процессов, связанных с развитием национальных литературных языков советской эпохи, их роста и обогащения, а также учета изменений норм народной речи в ее разнообразных говорах. Необходима конкретная помощь местам в разработке вопросов орфографии, терминологии, грамматики, в теоретическом осмыслении всех колоссальных сдвигов, наблюдаемых сейчас в развитии еще не так давно бесписьменных и младописьменных языков.

Советские лингвисты должны вести большую научно-теоретическую и вместе с тем общественно-политическую работу, содействуя неуклонному росту языковой культуры в национальных районах нашей страны, в которых под влиянием социалистических преобразований в кратчайшие сроки ликвидирована их вековая отсталость.

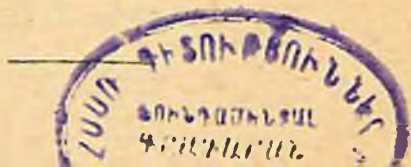
Исключительно большая ответственность ложится сейчас на представителей нового, материалистического уче-

ния о языке в борьбе за идеологическую чистоту советской лингвистической науки, в борьбе с проникновением в среду советских языковедов буржуазного объективизма и космополитизма — этой реакционной идеологии современных англо-американских империалистов.

Большевистский принцип партийности не стал еще ведущим для некоторой части советских языковедов. Объективизм и примиренчество, отсутствие подлинно большевистской критики и самокритики, забвение основного принципа науки — ее партийности — и, как неизбежное следствие этого, скатывание к формально-идеалистическим трактовкам основных положений нового, материалистического учения о языке наблюдаются сейчас, к сожалению, и среди отдельных сторонников и последователей прогрессивной школы академика Марра. А это дало возможность представителям старых лингвистических концепций пропагандировать в некоторых наших вузах построенные на буржуазно-идеалистических основах и явно антипатриотические языковедческие теории. Именно на это и обратила внимание партийная и советская печать в ряде статей, опубликованных в газете «Правда» 5/I и 14/IX 1949 г., в газете «Культура и жизнь» 11/V и 30/VI 1949 г. и в «Литературной газете» 6/IV 1949 г.

Советские языковеды должны обеспечить сейчас глубокое и всестороннее развитие нового учения о языке. На них ложится сейчас задача и по развертыванию решительной борьбы за советское материалистическое языкознание, против всяких проявлений реакционно-идеалистической науки о языке и примиренчества к ней в работах советских языковедов. Своевременное и острое разоблачение новейших реакционных течений зарубежной буржуазной лингвистики также будет способствовать развитию советского передового языкознания.

Дальнейший творческий подъем и развитие советского языкознания, так же как и действенная борьба с реакционно-идеалистическими пережитками в советской лингвистике, возможны лишь в том случае, если советские языковеды будут глубоко внедрять в свою работу большевистский принцип партийности и проводить неразрывно связанную с ним критику и самокритику, следуя в этом примеру выдающегося советского ученого, основателя нового, материалистического учения о языке акад. Н. Я. Марра.

ԳԱՆ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0555855

Цена 1 р. 20 к.

RD $\frac{\pi}{43603}$